

антифашистский МОТИВ

№10 (27)
2012

В НОМЕРЕ:

Выборы

О популярности радикального национализма в год выборов: так ли страшен черт, как его малюют? 3

Правозащита

“Свободу политзаключенным?”: о проблемах солидарности 7

Хроника

Антифашистские действия. 2011 год 11

Антифашистский анализ

“Этнические конфликты”: инструкция по пониманию 15

Мнение психолога о конфликте в Сагре 22

Дело Тихонова — Хасис: взгляд историка 25

Книжное обозрение

Внимание! Ядовитое чтение. Рецензия на трилогию Льва Пучкова “Нация” 34

Солидарность

Интервью с участниками парижской антифашистской группы SCALP 41

Межнациональный конфликт

Киргизия. Ош. Геноцид. 50

Из истории Сопротивления

Плач любви 53

Кино-ревью

Свобода сама по себе 56

Рецензия на фильм “Академия смерти” 58

ТЕАТРАЛЬНОЕ РЕВЮ

Антитела как надежда на антифашистский иммунитет в российском обществе 60

ПРАВА МЕНЬШИНСТВ

Эволюция российской законотворческой гомофобии 62

Издание выпущено в рамках проекта

“Создание сети противодействия преступлениям на почве ненависти”

**“Если неразборчивость в средствах достижения
цели становится государственной концепцией,
если страну распирает шовинизм,
если цветут фанатизм, ханжество, ненависть и
самодовольство,
если государство вмешивается в частную жизнь людей,
если правит бесчеловечность, мстительность,
сыск, кары и казни,
если народу внушается надменная уверенность
в превосходстве его над другими народами,
то это — фашизм, тирания, деспотизм,
и их надо ненавидеть страстно, самоотверженно,
самозабвенно и не отвлекаясь ничем”.**

Эти слова замечательного писателя и мыслителя середины XX века Аркадия Белинкова актуальны и сейчас — не менее чем 50 лет спустя.

Опять в этом году по городам РФ прошли многотысячные “русские марши”, участники которых громогласно призывали к расправе с “нерусскими”; опять политики и лидеры партий строили свою предвыборную кампанию на популистской ксенофобии и шовинистических лозунгах; опять нарушаются права меньшинств, растет число жертв агрессивного расизма, а преследованиям подвергают не тех, кто призывает к насилию и погромам, а тех, кто выступает против.

Как сообщает ИАЦ “Сова”, МВД Удмуртии “призывает быть бдительными, не вступать в движения сомнительного толка, о фактах распространения листовок экстремистского, националистического и антифашистско-анархического характера сообщать в полицию” — относя равным образом к экстремизму совершенно противоположные действия и убеждения. Последствия такой неразборчивости мы уже наблюдаем: 4 ноября 2011 года в Саратове был задержан антифашист, раздававший листовку против националистических идей “русского марша”. Листовка называлась “Я не хочу ненавидеть”. Молодого человека долго допрашивали, подозревая в “экстремизме” — за отказ от не-

ненависти! А в это время настоящие экстремисты — радикальные националисты — пропагандировали ненависть под охраной той же полиции. Более того, уже есть случаи, когда обвинение в “ненависти к ненависти” — в ненависти к “социальной группе националистов” (читай — фашистов) становилось частью уголовного преследования антифашистов. Но люди имеют право морально защищаться от ненависти, лжи и насилия! Мы можем и должны ненавидеть человеконенавистнические идеи!

Термин “преступления на почве ненависти” требует простого и строгого понимания: он касается преступлений, которые порождены идеологией ненависти к людям, никому не причиняющим зла, а просто чем-то отличающимся. Жертвами таких преступлений чаще всего становятся меньшинства — национальные, сексуальные, религиозные. Охваченные злобой и “надменной уверенностью в своем превосходстве” агрессоры оскорбляют, унижают и подвергают насилию тех, кто слабее и незащищеннее, тех, кого меньше. Сильные, здоровые и благополучные люди бросаются на слабых, на бедных, на одиноких — таковы преступления против бездомных, против людей с психическими особенностями, против тех, кто оказался исключенным из общества. Эти группы называются “уязвимыми” и требуют защиты общества и государства так же, как требуется защита детям, инвалидам — всем тем, кто не может постоять за себя сам.

Только целью создания этой защиты и может быть оправдано преследование определенных идей — идей человеконенавистнических.

Уголовное преследование — функция государства. Защищая уязвимые группы от преступлений на почве ненависти, государство не должно выходить за рамки этой необходимой защиты, не должно использовать законы “против ненависти” иначе, чем в защиту слабых, защиту жертв.

Моральное противостояние ненависти — функция общества. Представители общества могут и должны защищать себя и друг друга от агрессии, от преступных идей, от унижений и попрания человеческого достоинства. Никакое государственное преследование преступлений не может заменить этой обязанности общества — защищаться от лживых, опасных, подлых идей и поступков. Никакая борьба с экстремизмом не заменит антифашистских ценностей тех, кто живет в обществе и реагирует на проблемы этого общества.

В этом смысле право на антифашистскую позицию — право на ненависть к ненависти — нельзя отрицать, запрещать или преследовать.

Антифашизм — это защита жертв ненависти, это — реакция общества на насилие и ложь, это — наше право и наш долг.

О ПОПУЛЯРНОСТИ РАДИКАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ГОД ВЫБОРОВ: ТАК ЛИ СТРАШЕН ЧЕРТ, КАК ЕГО МАЛЮЮТ?

В последние месяцы перед парламентскими выборами 2011 года все чаще стала звучать мысль, что российское общество настроено крайне националистически, что уровень ксенофобии растет с каждым месяцем, что вот-вот могут повториться события, как на Манежной площади в Москве в декабре 2010 года, только с большим размахом.

На убежденности в том, что главная идея, владеющая массами, – русская, играют все политики. Если смотреть на агитацию некоторых партий, то создается впечатление, что российское общество только и ждет, чтобы вот-вот скинуть Медведева с Путиным для учреждения "Русской Власти".

Зададимся вопросом, так ли все плохо на самом деле.

Уже много лет мы оцениваем уровень ксенофобии в России по результатам ответов на вопрос Левада-центра "Как вы относитесь к идее "Россия для русских"?" С 2001 года процент граждан, отвечающих в целом положительно на этот вопрос, колеблется вокруг цифры 55%. 2011 год начался со скачка на четыре процента: с 54% до 58%. Цифра впечатляет, но есть утешающие детали: она не рекордно высокая, в 2001 году была такая же. Кроме того, эти 58% состоят из более или менее радикальных сторонников, и умеренная группа всегда была гораздо больше радикальной, а в этом году количество радикальных сторонников, желающих осуществить эту идею в полном объеме, даже упало по сравнению с 2010 годом с 19% до 15%.

Более того, согласно тому же опросу Левада-центра, в 2011 году положительно к термину "национализм" отнеслись лишь 8% опрошенных граждан, при 38% нейтрально и 44% отрицательно настроенных.

Тем не менее, та идея, что российское общество не просто ксенофобно, а ксенофобно по нарастающей, стала общим местом. Растущую напряженность в этой сфере также отражают данные опросов: 52% против 14% уверены, что число русских, которые разделяют крайние националистические взгляды, за последние года стало больше, чем 5-6 лет назад (при 21% тех, кто считает, что это число осталось прежним).

В то, что российское общество с каждым месяцем все ближе к "кровоавому русскому бунту", поверили, в первую очередь, сами радикальные нацио-

налисты. Этим объясняются и попытки наладить контакты с системными партиями и движениями, и весьма смелые прогнозы о количестве участников “Русского марша”-2011.

Но попробуем представить себе, что на демонстрацию, которую организовали радикальные националисты, выйдут даже не все, кто готов воплотить лозунг “Россия для русских” (15%), а хотя бы часть тех 8%, кто положительно отзывался о национализме (ведь не меньше половины из них сами должны быть националистами). В более чем десятиmillionной Москве это, по самым минимальным подсчетам, должны быть сотни тысяч человек.

В 2010 году в Москве был достигнут первый максимум участников “Русского марша”: по подсчетам Центра “Сова”, пришло примерно 5,5 тысяч человек. В 2011 году организаторы говорили, что к ним придет чуть ли не 20 тысяч (вероятно, рассчитывая на 10-15 тысяч). Их расчеты не оправдались. Пришло примерно столько же, сколько и в прошлом году — может, на тысячу больше.

Те, кто пришел, мало чем отличались от демонстрантов прошлых лет. Те же свастики, те же расистские кричалки, те же плохо удерживаемые зиги. Обыватели относятся к ним с той же настороженностью, что к приезжим, хоть могут и испытывать некоторую симпатию к идее выгнать всех мигрантов. Мега-популярный борец с коррупцией Алексей Навальный выглядел белой вороной на этом марше. На его призыв не откликнулись его поклонники, в основной массе не разделяющие даже его умеренного национализма.

Даже опасения, что политическая сила использует насилие, не говоря уже о доказанных фактах, все еще является компрометирующим обстоятельством в глазах большинства.

“Славянский союз” и ДПНИ (основные организаторы этих публичных демонстраций) запрещены судами за экстремизм. Новые их субституты и коалиции не в состоянии балансировать между радикализмом потенциальных и реальных членов и необходимостью сохранять “цивилизованное” лицо перед государством и менее радикальной частью общества.

Реальные сторонники этих организаций практикуют насилие, но если их ловит полиция, лидеры от них отрекаться, чтобы не выглядеть некрасиво в глазах более умеренного большинства. При этом сторонники справедливо считают их предателями, а умеренно-националистическое большинство все равно им не верит и побаивается их.

Тем не менее, в сложившейся ситуации мало поводов для оптимизма.

Дело в том, что причины национализма никуда не делись. Отсутствие внятной позиции государства по этому вопросу (оно то борется с “экстремизмом”, то устраивает фактически высылки по этническому признаку), отсутствие социальных лифтов, отсутствие политической жизни как таковой, весьма дурные учебники истории в школах и многие другие причины, перечислять которые можно до бесконечности, — все это никуда не делось, некоторые моменты даже усугубляются.

Мы наблюдаем ползучую легитимацию радикального национализма и его практик, включающих насилие. Эту легитимацию можно среди прочего заметить по двум тенденциям.

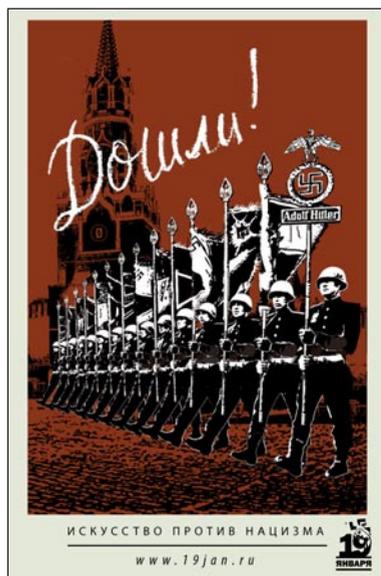
Менее заметная, но важная тенденция связана с “очеловечиванием”, легитимацией лидеров ультраправых, которые, возможно, и не пользуются большим уважением даже в собственных рядах, но сами провозглашают себя лидерами и становятся “говорящими головами” подпольного движения. Они, как и все более или менее оппозиционные фигуры в России, сталкиваются с давлением государства, что автоматически воспринимается многими ненационалистическими или умеренно-националистическими политиками и активистами как знак того, что их надо защищать и поддерживать.

КИБЕРСЕКТА, “ДОШЛИ”, 2011

В этой работе прямо показано, что фашисты дошли победным маршем до московского Кремля и провели свой парад 11 декабря. Сама надпись “дошли” была сделана неизвестным советским солдатом на стенах Рейхстага в начале мая 1945 года. Сейчас это означает также, что мы с вами дошли до того, что такой парад стал фактически возможным.

Выставка

“Искусство против нацизма”

Немалая роль в этом принадлежит и прессе. Те немногие независимые газеты, радиостанции и телеканалы, которые существуют в России, не брезгают дать этим людям возможность прямой речи, ставя их на один уровень с просто оппозиционными политиками, не пропагандирующими и не использующими насилие. А поскольку такие ультраправые не станут показывать свою истинную сущность в либеральных СМИ, их респектабельность растет с каждым комментарием, который они дают журналистам.

Вторая тенденция гораздо заметнее и в то же время опаснее. Как ни парадоксально, легитимации радикального национализма в довольно большой степени способствует борьба государства с проявлениями этого национализма, включая насилие. Антиэкстремистское законодательство в России касается не

только насильственных преступлений на почве ненависти, но и многих вещей, делающих это законодательство весьма размытым. Сама размытость закона, а также чудовищное состояние правоохранительной системы ведут ко многим случаям нарушений прав человека при применении этого законодательства.

Центр “Сова” уже несколько лет занимается мониторингом и анализом неправомерного применения этого законодательства, и мы пришли к выводу, что оно все чаще используется для борьбы с неугодными политическими активистами, религиозными меньшинствами, общественными организациями. Все чаще от неправомерного его применения страдают случайные люди и организации: правоохранительные органы имеют “план” по борьбе с экстремизмом, который нужно выполнять и перевыполнять, а делать это удобнее, наказывая библиотекарей и школьных директоров, чем расследуя опасное неонацистское подполье.

В результате словом “экстремизм” уже называют все подряд. Общество потеряло всякое доверие к этому закону. Любой обвиняемый в суде, даже если он обвиняется в убийстве, имеет шанс получить симпатию оппозиционных СМИ и активистов только потому, что государство называет его экстремистом. Ругать антиэкстремистское законодательство целиком без разбора (а значит, и включая статьи Уголовного кодекса о насилии на почве ненависти) стало хорошим тоном. Термином “узники совести” нацистов-убийц называют иногда не только их ближайшие соратники-демагоги, но и некоторые неразборчивые журналисты, политические и общественные активисты, не исповедующие столь радикальных взглядов, либо вообще не националисты.

Напрашивающийся вывод не очень утешителен. Российское общество за последние годы не показало, что оно способно самостоятельно преодолеть ксенофобию и национализм, о чем свидетельствует стабильность поддержки националистических лозунгов. Пока сильной радикализации не заметно, но нет и улучшений. Государство же, делая некоторые успехи в чисто полицейской борьбе с самым радикальным проявлением национализма — насилием — также не показало больше никаких признаков дееспособности в этом отношении. Организованных неонацистов, совершающих убийства и избиения, стали судить чаще, но такими мерами можно лишь “сбить температуру”, а не вылечить болезнь.

Более того, мы видим ухудшение в некоторых сферах, стагнацию в других. В этих условиях вместе с падением доверия к государству в целом будет происходить дальнейшее падение доверия общества к единственной правильной вещи, которое государство делает в отношении национализма. А значит, в более или менее отдаленном будущем общество вполне может радикализироваться в своей ксенофобии вплоть до поддержки насилия.

Мария Розальская

Информационно-аналитический центр “Сова”

“Свободу политзаключенным?”: О ПРОБЛЕМАХ СОЛИДАРНОСТИ

25 ноября 2011 года, когда стало известно о вынесении в Беларуси сурового политически мотивированного приговора Алесю Беляцкому, вице-президенту Международной федерации за права человека (FIDH) и главе правозащитного центра “Весна”, акции солидарности с осужденным правозащитником и протеста против политических репрессий прошли в разных городах по всему миру: в Париже, Брюсселе, Стокгольме, Анкаре, Буэнос-Айресе, Ереване, Бишкеке... Несмотря на разные культуры, политические режимы, ситуации с правами человека, — несправедливость преследования неугодного власти защитника прав и свобод оказалась очевидна и близка всем неравнодушным людям. И в этом смысле, как мне кажется, могла бы даже служить неформальным критерием “политического преследования”, достаточного для международной защиты и выдвижения требований немедленного освобождения...

Акция солидарности с Алесем прошла и в Санкт-Петербурге — в форме серии одиночных пикетов у здания представительства Республики Беларусь. Пришедшие поддержать Алесю и белорусских правозащитников стояли с плакатами “Свободу Алесю Беляцкому” и “Свободу политзаключенным”. При этом двое из трех участников акции были задержаны полицией практически сразу после ее начала. Формальным поводом для задержаний стало проведение акции “по одному юридическому адресу” и “неповиновение сотрудникам полиции”, требующим прекратить пикет. Интересно, что только в Санкт-Петербурге акция,

аналогичная проведенных одновременно во многих городах мира, привела к задержаниям. Причем очевидна была “неудобность” протеста против политических преследований в Беларуси (можно даже предположить тут “солидарность” другого рода — на высшем политическом уровне, тем более что пикеты прошли в тот самый день, когда Лукашенко встречался в Кремле с главой РФ). Сотрудники правоохранительных органов знали о готовящейся акции, ее мирном и законном характере, заранее прибыли на место ее проведения. А уж найти формальный повод объявить законную акцию незаконной, мирное выражение гражданской позиции — “неповиновением властям”, — особого труда в нашей правоприменительной практике, к сожалению, не составило. Но это уже тема отдельного разговора.

Если говорить в целом о проблеме определения политических заключенных, то попытки выделить объективные критерии предпринимались неоднократно, как международными организациями, так и отдельными исследователями. Независимыми экспертами Совета Европы были выработаны критерии, ключевое значение в которых имеет политический мотив власти в преследовании того или иного лица, а также нарушения прав человека во время судебного разбирательства и назначения наказания. Более широкое определение дает Amnesty International: “политический элемент” может проявляться с любой стороны, само понятие рассматривается

в широком смысле и охватывает почти все действия, продиктованные политическими мотивами. При этом для многих политических заключенных (например, для совершивших насильственные действия) международная организация требует только справедливого судебного разбирательства (которое, конечно, должно быть в любом случае, независимо от мотивов и личности обвиняемого; непонятно тогда значение выделения “политического” мотива — если только для привлечения внимания общественности и СМИ).

На прошедшем недавно в Киеве семинаре, посвященном проблеме признания политическими заключенными, подробно обсуждались существующие определения, но все они, что характерно, оказывались неточными, как только речь заходила о реальных примерах правозащитной практики в разных странах, приводимых участниками.

Очевидно, что формальные критерии тут не работают (“Нет у нас политической статьи”, — уверенно заявляет глава государства, в котором количество признанных политических заключенных несравнимо больше, чем во всех странах-соседах). Поскольку нет и не может быть специального органа, определяющего, кто относится к политическим заключенным, а кто нет, а “статьи”, по которым обвиняются преследуемые властью, могут быть самыми разными, особое значение приобретает признание со стороны правозащитников, гражданского общества и международных организаций (своего рода “конвенционный” подход к признанию или непризнанию). И здесь неизбежно возникает проблема морального выбора, в какой бы форме (правозащитного заявления, акции солидарности или защиты в суде) он ни происходил.

Дело Алеся Беляцкого — наиболее очевидный, “непроблемный” и поэтому “непоказательный” пример. Хотя формально правозащитник был арестован по обвинению в “уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере”, но ни у кого не вызывает сомнений явная политическая подоплека этого процесса. Правозащитный центр

“Весна” уже 15 лет оказывает помощь жителям Беларуси — жертвам произвола и насилия, в том числе и многочисленным “несуществующим” в Беларуси политзаключенным, людям, которые подвергались уголовным преследованиям и административным взысканиям за свою общественно-политическую деятельность, — и это не могло остаться незамеченным в государстве с репрессивным режимом. Суд над главой правозащитной организации и жестокий приговор — это во многом месть властей.

В других, более сложных ситуациях, признание или непризнание политическими заключенными может зависеть от оценки обстоятельств конкретного дела. Возникают споры, например, о допустимости насильственных действий и пределах этих действий (представляется логичным включать в “насильственные действия” только насилие в отношении физических лиц, хотя неко-

торые эксперты относят к “насильственным действиям” также уничтожение или повреждение имущества), содержание “политического мотива” в действиях осужденных. В этом случае признание политическим заключенным становится результатом своего рода “экспертного заключения”, учитывающего все факты и обстоятельства дела. Так, правозащитный центр “Весна”, а также Белорусский Хельсинкский Комитет признали политическими заключенными осужденных по “делу анархистов”. При этом производился анализ обстоятельств дела, хода уголовного преследования и судебного разбирательства, а вывод правозащитников основывался на многочисленных процессуальных нарушениях, осуждении к “длительным, явно неадекватным срокам лишения свободы, при несправедливом разбирательстве, очевидным образом связанным с политическими мотивами властей”.

Именно поэтому правозащитники и гражданские активисты всех стран выступают против политических преследований, где бы они ни происходили: власть, ничем не ограниченная, всегда использует свой карательный потенциал для борьбы с теми, кого по собственным произвольным представлениям считает опасными. В этом смысле признание политическими заключенными играет роль, аналогичную признанию уязвимого статуса тех или иных дискриминируемых групп населения, необходимой для предоставления им дополнительных гарантий и защиты. В качестве такой гарантии выступает в первую очередь право (в основании — моральное, а не юридическое) требовать немедленного освобождения политических заключенных. Хотя, конечно, даже всеобщее и безоговорочное признание заключенного жертвой политических преследований в существующих условиях не гарантируют не только немедленного освобождения, но даже и справедливого судебного разбирательства, которое в государствах с широким применением политических преследований почти всегда заведомо невыполнимо.

На наш взгляд, несмотря на поиски “объективности” в учете политической составляющей дела, существуют обстоятельства, препятствующие признанию политическими заключенными, независимо от наличия в действиях политического мотива. Это любые действия по мотиву ненависти к уязвимым группам (например, по признакам расы, национальности, пола), которые несовместимы с уважением прав человека и теми гарантиями, которые мировое сообщество предоставляет человеку, признавая его политическим заключенным.

Требование соблюдения прав человека и процессуальных гарантий в ходе каждого судебного разбирательства, независимо от мотивов, личности и характера нарушения, неоспоримо и должно заявляться во всех случаях, а вот признание политическими заключенными, в том виде, в котором оно существует сейчас, — это уже моральный выбор каждого, как и любое проявление солидарности...

АНТИФАШИСТСКИЕ ДЕЙСТВИЯ. 2011 ГОД

Становятся ли марши и митинги как форма выражения общественной позиции популярнее или же, наоборот, идут на спад? Попробуем ответить на этот вопрос, резюмируя итоги деятельности активистов России и, в частности, Санкт-Петербурга в 2011 году.

2011 год начался с акций, проходящих уже на протяжении трех лет 19 января — в День памяти адвоката Станислава Маркелова и журналистки “Новой Газеты” Анастасии Бабуровой. В этом году мероприятия прошли в различных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Белгород, Глазов, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Каменск-Шахтинский, Курган, Нефтекамск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пенза, Пермь, Ростов, Самара, Саратов, Тюмень, Уфа, Чебоксары, Череповец, Ярославль), акции солидарности с российскими активистами прошли и за пределами страны (в Украине, Беларуси, Казахстане, Польше, Дании). Количество городов, где память убитых почтили проведением митингов и пикетов, увеличилось почти в два раза по сравнению с 2010 годом. Помимо минуты молчания и раздачи листовок, в некоторых городах устраивались кинопоказы, рисовались трафареты и граффити, вывешивались плакаты. В тех местах, где санкционированные мероприятия были запрещены, проводились одиночные пикеты. По официальным данным, ни один человек не был задержан во время проведения акций, что является большой редкостью для действий, проводимых в нынешних условиях. Мероприятия, приуроченные к 19 января, на сегодняшний день являются самыми массовыми по численности участников и самыми успешными по организации.

Первое мая – День международной солидарности трудящихся, когда антифашисты и анархисты традиционно проводят шествия и демонстрации. Несмотря на то, что зачастую эти акции проходят совместно с представителями политических партий и общественных движений, некоторые мероприятия являются достаточно многочисленными и становятся самостоятельными и независимыми. Примером может послужить согласованный митинг в центре Москвы в 2011 году, успешно прошедший под лозунгами: “Права не дают, права берут!”, “Заучи как дважды два — лишь борьба дает права!”, “Наше оружие — солидарность!”, “Нет фашизму — нет капитализму!”, “Alerta, Alerta, Antifascista!”, “One solution — Revolution!” и собравший вместо 100 заявленных человек более 300. Мероприятия, включавшие не только участие в демонстрациях, но и раздачу листовок, растяжку плакатов по городу, трафареты и граффити, состоялись также в некоторых городах, в числе которых Белгород, Владивосток, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калуга, Каменск-Шахтинск, Мурманск, Уфа, Череповец. Стоит заметить, что первомайские события гораздо меньше освещаются в прессе, чем другие действия активистов.

Уже третий год 9 мая в Москве возлагаются венки к могиле Неизвестного солдата. Понемногу количество участвующих увеличивается, а, вместе с тем, инициативу проведения перенимают и другие города, например Киров, Ярославль, Белгород, Пермь, Мурманск. Сложно представить что-либо более логичное для активистов-антифашистов, чем почтение памяти погибших в борьбе с фашизмом. Мероприятия регулярно привлекают к себе внимание прессы, причем в основном они освещаются позитивно.

4 ноября в Москве антифашисты противостояли участникам “Русского марша”. Шествие было санкционированным и собрало от 300 до 400 активистов, главными его лозунгами были: “Никакого единства с националистами! Никакого единства с чиновниками-капиталистами у трудящихся быть не может!” Нельзя не оценить тот факт, что впервые антирасистское шествие 4 ноября было разрешено властями, учитывая то, что организовано оно было представителями анархистов, антифашистов. Возможно, в следующие годы такие мероприятия пройдут не только в Москве, но и в других городах, собрав больше участников и тем самым обратив на себя внимание общественности.

Что касается осенних событий в Петербурге, то неприятной новостью стала трансформация традиционного Марша против ненависти в шествие совершенно чуждых сил: вероятно, после вынесения приговора банде Воеводина, повинной в убийстве Николая Гиренко, друзья и соратники последнего отказались быть организаторами марша, который на протяжении семи лет в конце октября объединял людей самых разных убеждений в борьбе против ненависти. Правда, последние годы не приветствовались ни анархисты, ни представители ЛГБТ. В результате инициативу поспешила перехватить “Единая Россия”, которая только и участвовала в марше в этом году. “Николай Гиренко, в память о котором взялась маршировать “Единая Россия”, всегда брезговал любых ксенофобов, и гомофобия здесь не исключение. Хоть бы название марша в таком случае поменяли, а то получился совсем уж захват бренда в разгар предвыборной кампании”, — пишет в “Новой газете” Дмитрий Дубровский. — “Представляется, это отличный урок для российских либералов. Не хотите ходить рядом с гяями — будете маршировать рядом с одной большой единой партией, объединяющей в едином порыве нерушимый блок партийцев и народа. Единным маршем за единую толерантность, без либералов, оппозиционеров и геев”.

В ноябре устраиваются акции памяти сразу нескольких антифашистов: Тимура Качаравы, Федора Филатова, Ивана Хуторского. Пикет памяти Тимура Качаравы в Санкт-Петербурге проходит 13 ноября: и участники, и пресса, и общественность заранее знают о том, что акция состоится в известном месте в определенное время. Традиционно зажигаются свечи, возлагаются цветы на месте убийства, растягивается баннер и раздаются листовки. В этом году помимо ожидаемых действий, были проведены незапланированные, несанкционированные — улица Колокольная неподалеку от места проведения акции “Еда вместо бомб” была переименована в улицу Тимура Качаравы. Также акции памяти прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Уфе, Кирове, Волгограде и других городах.

Подводя итоги различных мероприятий, состоявшихся в 2011 году, отметим, что санкционированные действия (марши, митинги, шествия), не очень развитые в России в качестве формы выражения общественной позиции, к настоящему моменту продолжают терять свою актуальность. В первую очередь, это связано с растущим безразличием общества, неверием в эти методы. И вправду: под силу ли собрать и организовать такое мероприятие, итогом которого станет реальное изменение ситуации в обществе или действующих законов? С другой стороны, часто невозможно согласовать с администрацией города проведение значимых мероприятий. Любые инициативы представители власти стараются свести к минимуму, потому что государство не заинтересовано в проявлении активности граждан относительно каких-либо политических и социальных событий. Тем не менее, акции солидарности ежегодно собирают немалое количество людей.

Остаются открытыми вопросы: что может прийти взамен устаревших форм выражения социальной позиции, которые будут иметь конкретный результат; что имеет большее воздействие и привлекает больше внимания — традиционные акции или неожиданные действия; стоит ли проводить несанкционированные мероприятия отличающиеся от заявленных ранее форм, если официальное разрешение не было получено?

И.С.

“ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ”: ИНСТРУКЦИЯ ПО ПОНИМАНИЮ

Одна из наиболее резонансных тем для обсуждения в СМИ и в обществе — межэтнические, или межнациональные конфликты. В последние несколько лет в России и других странах драк, стычек и столкновений, подаваемых под этническим соусом, произошло великое множество, причем “этническая” подоплека происшествий представляется многим совершенно очевидной. Зритель, наблюдающий по телевизору “арабские бунты” в западноевропейских пригородах, рассматривающий видео “русско-дагестанских столкновений” в Интернете или читатель газетных сводок об “армяно-азербайджанской драке в Москве”, зачастую склонен именно к эмоциональному восприятию событий, а не к критическому их осмыслению. Да и какие, казалось бы, могут быть вопросы, когда “все и так понятно”: “мигранты ненавидят местных”, “кавказцы — русских”, “киргизы — узбеков”? Ксенофобские установки получают новое оправдание, этнические стереотипы — подтверждение своей актуальности, а “жизненный опыт” обогащается новыми доводами в пользу и так распространенных предрассудков. Неудивительно, что националистические и в широком смысле слова “правые” новостные ресурсы и публицистика пестрят сообщениями о межэтнических конфликтах и межнациональном противостоянии, стремясь использовать эмоциональный отклик читателей в своих пропагандистских целях — именно поэтому правильное понимание природы и смысла термина “межэтнический конфликт” и его медийного использования необходимо современному антифашистскому движению.

Что же такое “этнический конфликт”? На первый взгляд, вопрос несложный: столкновение или спор между людьми разных национальностей. Но интересно, что специалисты (этологи, социологи, психологи) говорят о сложной природе межнациональных конфликтов. Согласно одному из наиболее известных определений, межэтническим конфликтом можно считать “...любую форму гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий”. Однако исследователи отмечают, что, если следовать такому определению, в многонациональном обществе и государстве любой конфликт так или иначе может носить черты межэтнического, вне зависимости от его реальных причин. Так, Нагорно-Карабахский

и Приднестровский конфликты имеют ярко выраженную политическую и территориальную природу, но при этом воспринимаются преимущественно как этнические, несмотря на то, что участвовали в них люди самого разного этнического происхождения.

Сторонники другого подхода утверждают, что межнациональный конфликт является одной из форм социального взаимодействия и представляет собой противоборство “по поводу прав и интересов этнических общностей”. Но в таком случае как объяснить участие чеченских полевых командиров в войне против чеченских же сепаратистов на стороне федеральных войск по время Первой чеченской войны, участие русских рабочих дружин в обороне еврейских кварталов от погромщиков в Одессе 1905 года или создание совместных киргизско-узбекских отрядов самообороны против мародеров на юге Киргизии в 2010 году? Как определить, какие представители конкретного народа в этих случаях являются выразителями “интересов этнических общностей”, а какие — нет?

В одном аналитики сходятся: выделить “в чистом виде” этнические конфликты практически невозможно ввиду огромного разнообразия возможных причин, мотивов и заинтересованных сторон — ведь определения социально-экономических или политических конфликтов гораздо четче и яснее, не говоря уже о происшествиях откровенно криминального характера.

В качестве межэтнических чаще всего преподносятся следующие типы конфронтаций, для определения которых используются и другие термины:

- 1) вооруженные конфликты — например, гражданская война в Югославии между сербскими войсками и хорватскими или боснийскими сепаратистами;
- 2) этнические чистки — например, столкновения между американскими индейцами и переселенцами из Европы в борьбе за территорию;
- 3) массовые столкновения и драки — например, между армянскими и азербайджанскими студентами в российских городах;
- 4) преступления на почве ненависти;
- 5) криминальные “разборки” и другие преступления.

Казалось бы, список достаточно полный: во всех этих конфликтах участвуют представители разных этнических групп (народов, национальностей), они защищают свои “национальные интересы” в борьбе с “чужаками”, их инициаторы и/или жертвы организованы “по национальному признаку” — но действительно ли мы имеем дело с противостоянием народов в прямом смысле слова? Ведь в первом случае от имени народов действуют политические партии и националистические лидеры, сформировавшие свои собственные армии и преследовавшие собственные политические цели; во втором случае мы можем говорить

о колониальной политике, проводимой отдельными государствами в конкретных регионах с целью захвата конкретных территорий. Очевидно, что военные операции и спровоцированные политическими силами акции устрашения и этнических чисток не являются, по крайней мере, безусловными примерами межэтнических конфликтов. Но как быть с другими инцидентами?

В России необходимость трезвой оценки “межэтнических” происшествий назрела уже давно — слишком уж богатую почву для ксенофобской пропаганды они предоставляют. Возьмем ситуацию: компания изрядно подвыпивших молодых людей в баре решают выяснить отношения с не понравившимся им официантом. Происходит драка, и бармен вызывает на подмогу своих друзей — криминальную “крышу” заведения, которые приезжают, избивают посетителей и выгоняют их. В результате драки двое посетителей бара погибают от ножевых ранений. Исходя из описания события, становится ясно, что произошла пьяная драка и криминальная разборка, какие, к сожалению, не редкость в российских городах. Очень редко такие события заканчиваются националистическими митингами и погромами — что, к сожалению, и произошло в карельском городке Кондопога 1-2 сентября 2006 года. Для того, чтобы разжечь “межэтнический конфликт”, журналистам региональных и федеральных СМИ понадобилось лишь подчеркнуть этническую принадлежность конфликтующих сторон, а националистам — организовать и провести массовую информационную кампанию и митинг своих сторонников в небольшом городке.

В дальнейшем именно погромы в Кондопоге стали для националистов поводом для разжигания “священной расовой войны” из любой драки, кражи, убийства, а для недобросовестных СМИ (зачастую федерального уровня) — примером, как можно из криминального происшествия создать сенсацию общероссийского значения. Трогательное единство позиции ксенофобских СМИ и ультраправой политической пропаганды впоследствии только окрепло. Своей кульминации практика разжигания межэтнических конфликтов и вражды достигла в декабре 2010 года — в результате удачной пропагандистской кампании и широкого общественного резонанса по делу Егора Свиридова, болельщика московского “Спартака”, убитого в пьяной драке, националистам удалось спровоцировать беспорядки праворадикалов на Манежной площади в Москве и в других крупных городах, в том числе и в Петербурге. Эти печально известные выступления сопровождались большим количеством ксенофобски и националистически мотивированных преступлений, совершенных в отношении иммигрантов из Средней Азии и выходцев с российского Северного Кавказа, — от избиений и убийств до всплеска применения языка вражды и расистской пропаганды. К сожалению, и высокопоставленные чиновники сразу же подхватили антииммигрантскую риторику. События декабря 2010 года освещались в СМИ практически исключительно

как “межэтнические столкновения”, которые, в свою очередь, активно пытались развязать самые разнообразныe националисты, напрямую призывавшие к массовым дракам и этническим чисткам.

Неудивительно, что после “Манежки” тема межэтнического противостояния стала особенно популярной. Как результат, в 2011 году Россию внезапно охватила целая волна новоиспеченных “межнациональных конфликтов”, получивших региональный либо всероссийский резонанс и оставивших неизгладимый след в восприятии обывателя. В качестве таковых преподносятся бытовые и криминальные разборки, драки между отдыхающими и выпивающими студентами разного этнического происхождения. По отношению к подавляющему числу подобных случаев справедлива фраза “межнациональные конфликты начинаются в барах”: таковы, например, пьяные инциденты, случившиеся летом-осенью 2011 года в поселке Кобралово Ленинградской области и в г. Ломоносове.

Необходимость целенаправленного мониторинга и изучения ситуации “межэтнических конфликтов” стала теперь очевидной, тем более что в качестве “виноватой” стороны порой преподносились одни из самых уязвимых для ксенофобских атак группы российского населения — трудовые мигранты и цыганское этническое меньшинство. В августе 2011 года АДЦ “Мемориал” был проведен правозащитный мониторинг в регионах Уральского федерального округа, где летом 2011 года произошли события, оцениваемые прессой как “межнациональные конфликты” — пос. Керамзитный Курганской области и пос. Сагра Свердловской области. Анализ собранных в результате мониторинга сведений позволил нам препарировать медийную структуру межэтнического конфликта и раскрыть его универсальный “рецепт”, или “инструкцию по применению”, которой активно пользуются в нашей стране. Итак, для приготовления “лакомого блюда” — громкого, резонансного межнационального конфликта, — понадобятся:

- 1) *информационный повод*: громкий инцидент криминального характера — скажем, массовая драка с летальным исходом. Хотя бы два оппонента не должны быть русскими по национальности;
- 2) *коррупциогенная ситуация*: халатность исполнительной и судебной власти, неспособных пресечь и разрешить инцидент, найти и наказать виновных, — словом, отсутствие адекватной реакции со стороны государства и слабость закона;
- 3) *информационный бэкграунд*: особая чувствительность, повышенное внимание местных СМИ к проблемам межэтнических отношений — и, как следствие, первичное освещение инцидента именно в “этнических” тонах;

- 4) *умельный “повар”*: инцидент должен привлечь внимание местных националистических сообществ и ксенофобских организаций, которые организуют пропагандистскую кампанию и мобилизацию праворадикальных групп под лозунгом защиты “наших” и пресечения “этнической преступности”.

Полученные ингредиенты необходимо, тщательно “перемешав” для того, чтобы исключить возможность критического рассмотрения их по отдельности, кипятить как можно дольше, добавляя ярких подробностей и информационных поводов по вкусу: муссирование инцидента обеспечит пристальное внимание интернет-активистов и СМИ общероссийского масштаба к данному сюжету и позволит всей стране по достоинству оценить мастерство и авторитет “повара”.

Описанная рецептура доказала свою эффективность в освещении ставшего широко известным “сагринского конфликта”. В конце июня в маленькой деревушке Сагра Свердловской области вспыхнула бытовая ссора между двумя местными жителями — один сосед обвинил другого в воровстве цветного металла. Нередкое в российских селах происшествие — пропажа металлической посуды — привело соседей к взаимным угрозам в адрес семей друг друга и обещанию “разобраться”. Предполагаемый виновник пропажи подготовился к разборкам очень серьезно: через свою родственницу он связался с криминальным авторитетом, отбывающим срок в одной из уральских колоний. На зов авторитета откликнулось несколько десятков молодых ребят, которые с оружием в руках приехали в тихую деревушку ночью. На окраине Сагры их, к сожалению, встретили четверо подвыпивших и напуганных местных жителей, вооруженных охотничьей двустволкой, а не милиция, отказавшаяся приехать на вызов. Последовала беспорядочная перестрелка, и бандитский кортеж, не ожидавший встретить сопротивление, в панике отступил, потеряв одного из нападавших. Милиция подоспела в деревню уже к утру: участвовавшие в столкновении местные жители были задержаны. В поисках поддержки сагринцы обратились в широко известную на Урале общественную организацию — фонд “Город без наркотиков” во главе с Евгением Ройzmanом, известным своими националистическими взглядами.

С начала 2000-х “Город без наркотиков” инициировал целый ряд ксенофобских кампаний против цыган и иммигрантов из Средней Азии: под предлогом борьбы с наркоторговлей Евгений Ройzman и его сомнительные компаньоны устраивали акции устрашения в цыганских поселках и проводили антитаджикские митинги, заявляя, что именно цыгане и таджики, все без исключения, ответственны за торговлю наркотиками в Екатеринбурге и Свердловской области. В 2004 году волна народной поддержки забросила правого политика прямо в Государственную Думу, где Ройzman некоторое время возглавлял антинаркотический комитет, однако на второй срок переизбираться не стал, вернувшись на малую родину.

Сагринский инцидент предоставил Ройзману уникальный шанс завоевать политические очки и влияние. Немедленно была организована общественная кампания в поддержку “простых русских мужиков”, давших героический отпор “цыганскому наркобизнесу” и “азербайджанской мафии”. Екатеринбург охватила “сагромания”: был налажен выпуск футболки “Сагра, мы с тобой!”, новость пошла по интернет-блогам. Члены правоэкстремистских организаций устремились в Сагру, как на паломничество, предлагая местным жителям самую разнообразную поддержку: от идейных русских невест для настоящих патриотов, заклеивших мегаполис стикерами “Выйду замуж за сагринца!”, до бесплатного извоза. Войдя в раж, Ройзман призвал “местное население” вооружаться против “этнических оккупантов”, и эту идею поддержали: в интернете стали популярными националистические клипы, в которых пелось о примере Сагры и “праве на вооруженную самозащиту”. Название маленькой деревушки превратилось в лозунг, вокруг которого сплотились самые разные общественные деятели, сочувствующие национализму и склоняющиеся к правому популизму, — так, Ройзмана горячо поддержал А. Навальный, а олигарх М. Прохоров даже предложил ему войти в партию “Правое дело” и возглавить региональный партийный список кандидатов в депутаты (чем наш герой не преминул воспользоваться).

Истерия разворачивалась в чрезвычайно благоприятных для националистов условиях. С начала 2011 года новостные ресурсы и печатные издания Свердловской области активно обсуждали проблему “этнической преступности” и “межнациональных конфликтов”. Причиной такого пристального внимания послужило изнасилование молодой девушки в одном из поселков, серия погромов кафе в Екатеринбурге и громкое преступление на почве ненависти: избивание группой из троих подростков русского молодого человека, причем жертва была выбрана по этническому признаку. Масла в огонь подливало и то обстоятельство, что все эти инциденты расследовались крайне неэффективно и непрозрачно для общества, — проблемы с коррупцией и кумовством в правоохранительных органах тут же всплыли на поверхность, что было однозначно расценено как свидетельство сговора милиции с “национальными диаспорами”. В преддверии сагринских событий местные СМИ были склонны освещать в этнических тонах практически любой инцидент — так, некоторые журналисты умудрились выдать за межэтнический конфликт даже ссору водителя с инспектором ГИБДД кавказской внешности.

Коррупция и халатность свердловской милиции сыграла Ройзману на руку. Только под давлением омбудсмена Свердловской области и возмущенной общественности правоохранители объявили в розыск вооруженных участников кортежа, приехавших в Сагру из Екатеринбурга, — причем один из задержанных оказался членом партии “Единая Россия”. Выяснилось, что один из инициаторов конфликта, Сергей Лебедев, цыган по национальности, в тече-

ние нескольких лет проживал в Сагре по поддельному паспорту, а районный участковый, не отреагировавший должным образом на звонок с сообщением о возможной драке в ночь на 1 июля, прямо объявил задержанным местным жителям, что им лучше отсидеть самим и “не связываться с серьезными людьми, ворами в законе”. По мнению екатеринбургских правозащитников, именно широкий общественный резонанс позволил раскрыть факты коррупции и кумовства в правоохранительных органах области и впоследствии обратить “межэтнический конфликт” на пользу: местное Верхне-Пышминское РУВД отстранено от расследования, которое передано под контроль Следственного комитета по Уральскому федеральному округу, многие милицейские руководители сняты со своих должностей и начаты масштабные проверки. Однако другим, гораздо менее положительным результатом сагринской эпопеи, стал рост популярности фонда “Город без наркотиков” и лично Евгения Ройзмана: несмотря на то, что “наркотический след” в этом конфликте так и не был доказан, возросший авторитет Ройзмана позволил ему объявить о расширении деятельности своей организации и создании фонда “Страна без наркотиков”. Что ж, кто знает — может, в скором будущем нас ждут новости о других “межэтнических конфликтах”, происходящих при его деятельном арбитраже?

Интересна история другого июньского инцидента, произошедшего на Урале, — на этот раз в пос. Керамзитный Курганской области, в компактном поселении цыган-котляров. В результате пьяной драки между цыганскими молодыми людьми, жителями табора, и их русским соседом был тяжело ранен один из лидеров цыганской общины, Дмитрий Михай: он получил удар в лицо, при падении ударился головой и через три дня скончался в больнице. Местные СМИ тут же сообщили о “русско-цыганском межэтническом конфликте” — однако, в отличие от соседней Свердловской области, в Кургане националистических организаций и ярких популистов не нашлось, и организовать пиар-кампанию по борьбе с этническим меньшинством оказалось некому. Быстрее отреагировала и курганская милиция, развернувшая пикеты в поселке и охранявшая похоронную процессию, не дав ей перерасти в погромы; виновники драки были оперативно задержаны, и дело передано в суд. Местные власти, в свою очередь, несколько раз посетили поселок и встретились со всеми сторонами конфликта, а также приняли меры по решению социально-экономических проблем местных жителей: легализации земельных участков, оформлению личных документов и социальных пособий. Конфликт в Кургане так и не стал “межэтническим”, не превратился во всероссийскую пиар-кампанию националистов и не перерос в ксенофобскую истерию — всего лишь отдельные лица понесли ответственность за свои действия, и инцидент был исчерпан.

Но неужели этнических конфликтов не бывает вовсе? Неужели это лишь плод пропаганды, искусно приготовленное националистами и недобросовестными журналистами информационное “блюдо”? Межэтнические конфликты

происходят не в реальной жизни, а в наших головах: осмысляя происходящие события в категориях “межэтнических отношений” мы теряем возможность разрешить конфликты в действительности. Вместо осмысления причин и природы инцидентов, в которых участвуют люди разного происхождения, нас пытаются приучить к ненависти, ксенофобии и коллективной ответственности. Вместо решения настоящих проблем нас пытаются — по недомыслию или намеренно — заключить в грубые рамки межгруппового восприятия, в которых мы вынуждены следовать за сложившимися стереотипами и предрассудками. Националисты стремятся превратить вымышленную и зыбкую конструкцию “борьбы наций” в реальность, изобретая межэтнические конфликты снова и снова. Антифашисты же должны понимать, что использование темы “межнациональной вражды” — всего лишь способ националистов скрыть собственные преступления и человеконенавистническую пропаганду и достичь своих целей, воспользовавшись нашими предрассудками.

А.Я.

МНЕНИЕ ПСИХОЛОГА О КОНФЛИКТЕ В САГРЕ

Итак, как же отозвались сагринские события? Печатные издания поговорили, поговорили, да и забыли. Телевидение на главных каналах показало репортажи не более десятка раз, но с очевидной динамикой: вначале по свежим следам, затем — гнев народный и требования разобраться с настоящими преступниками, а не с народными героями самообороны, и, наконец, начало справедливого расследования, арест “азербайджанских громил” в Екатеринбурге.

Интернет в июле 2011 года тоже отозвался на события. Коротко говоря, вот что думает народ:

1) Люди менее всего заинтересованы в установлении истины: кто виноват, а кто является жертвой. Для них и так все ясно: плохие — это цыган и его друзья — азербайджанцы.

2) Люди оправдывают самосуд с выселением цыгана и самооборону против “кавказских бандитов”, как и оправдано убийство “врага из пришлых”. “Если не мы их, тогда они нас”.

3) Люди очень положительно оценивают действия “Торода без наркотиков” и лично Е.Ройзмана в деле “спасения русских от наркомании в борьбе против

распространителей наркотиков: цыган, кавказцев, таджиков”. Кстати, в комментариях по поводу событий в Сагре есть высказывания и самого Ройзмана. Они, как всегда, достаточно резкие и созвучны многим другим комментариям: “Неужели мы не видим всего масштаба беды для русских?”; “Доколе можно терпеть их цыганскую (кавказскую, таджикскую и пр.) безнаказанность?”; “Русские должны объединиться перед лицом общей беды”. И все в таком духе. Но на фоне единодушных ожесточенных и предвзятых реакций на трагедию в уральском поселке попадаются и урезонивающие, разумные мнения. Одно из них принадлежит представителю посольства Азербайджана: “Такие высказывания очень опасны, поскольку порождают национальную нетерпимость”.

Говоря о методах “Города без наркотиков”, хочется выделить два принципиальных компонента. Первый — отряды добровольцев, задача которых отыскивать “цыганские наркотические гнезда” и выкуривать оттуда наркодилеров и их семьи. Второй компонент — полная поддержка народных “клиник”, излечивающих наркоманов, по типу недавно прогремевшей тюменской “здравницы” с ее опальной и “невинно” осужденным руководителем, т.е. поддержка народной инициативы, которая позволяет за небольшие деньги убеждать человека дать согласие на экстремальное “лечение” от наркомании в нетрадиционной клинике. Экстремальность и нетрадиционность заключаются в сухой ломке наркомана (т.е. без медикаментозных средств), который “по контракту” должен принудительно находиться в клинике весь курс “реабилитации” в наручниках, прикованным к кровати, чтобы не сбежал. Причем обратного хода нет. Не хочешь наручников, хочешь покинуть “центр” — твои проблемы. Сам подписал контракт. Теперь терпи.

Итак, можно подвести некоторые итоги сагринской истории и ее освещения. Эхо обсуждаемого нами события — мрачное, зловещее, возбуждающее примитивные страсти в людях. Каковы психологические последствия подобных кампаний? Что происходит в сознании людей, которые так однобоко реагируют на каждое событие, связанное с публичным разоблачением очередного наркодилера?

Во-первых, реальная судьба страдальцев-наркоманов их мало интересует. Во-вторых, если наркодилером оказывается представитель титульной нации, отношение к нему более спокойное, снисходительное. В-третьих, эти люди заранее настроены видеть в каждом таджике — поставщика наркотиков, в каждом цыгане — продавца, а в каждом кавказце — крышевателя. В-четвертых, иные источники появления наркотиков (хищение медикаментов, производство наркосодержащих веществ в химических лабораториях, выращивание травы на балконах и приусадебных участках) их не интересует. В-пятых, для этой аудитории характерно априори негативное отношение ко всем этническим “пришельцам”: “Нерусские вредят везде и везде создают проблемы. Они — это наркомания, это преступность, это насилие, это отсутствие мест для русских” и т. д. и т. п.

Для людей, так рассуждающих, много значат их герои и кумиры. Идеи же, которые те проповедовали, в массе воспринимаются людьми далеко не критично. При реагировании на различные нашумевшие случаи с этнической спецификой действуют универсальные механизмы психического воздействия, в первую очередь, механизм психического заражения. Кроме того, заявления лидеров, провозглашающих этническую ненависть, всегда носят грубый, провокационный и сверхманипулятивный характер.

Вопрос: возможна ли с ними дискуссия со стороны прогрессивных сил? Например, по части публичных разоблачений дел по наркотикам? Для ответа на этот вопрос мы должны представлять себе примерную структуру интернет-аудитории, которая включается в подобную дискуссию. В основном, это убежденные националисты всех мастей, любители массовых баталий (физических и словесных), для которых важен данный момент, важен импульс, режим “здесь и и сейчас”, “наших бьют”, неважно, кто “наши”, а кто нет. Это люди, оперирующие в своем сознании примитивными идеями интолерантности культурно-бытового происхождения. С другой стороны — в подобные дискуссии вмешивается ищущая истину и сомневающаяся молодежь и убежденные интернационалисты.

Поэтому обсуждения указанной темы весьма необходимы и могут быть полезными для большинства аудитории. Нужна постоянно действующая информационная контрпропаганда. Например, неплохо было бы осветить последний летний фестиваль электронной музыки, традиционно проводимый в Ленинградской области. Этот фестиваль стал скандальным из-за его тяжелых последствий: несколько десятков человек были госпитализированы в критическом состоянии в институт скорой помощи. Причина — употребление оксибутирата натрия, препарата, применяемого в медицине, который в последнее время стали принимать в качестве наркотика все больше и больше молодых людей. Он сравнительно доступен для хищения или лабораторного синтеза. Почти все популярные дискотеки Петербурга уже давно “пересели” на оксибутират натрия. И здесь нет никаких цыган, таджиков или азербайджанцев. А наркотический ад есть, да еще какой.

Вполне очевидные примеры такого рода, да еще при удачной, продуманной подаче, могут возыметь отчетливый эффект “расшатывания” стереотипов, разоблачения “наркоцыганских” мифов, бытующих в сознании тех, кому на сегодняшний день толерантность к представителям иных этносов чужда.

Дело Тихонова — Хасис: взгляд историка

Процесс давно завершился вынесением обвинительного приговора. Страсти улеглись, практически замолчали СМИ и почти успокоился беспокойный муравейник блогосферы. Венцом журналистского интереса к пожизненному приговору Никите Тихонову и 18-ти годам заключения Евгении Хасис стали показанные по НТВ теледебаты с характерным названием “Влюбленные палачи”. Наступило время для размышлений историка.

Брифинг для лопухих

Право, я не знаю, как повел бы себя в этом далеко не простом процессе адвокат Станислав Маркелов, увидев разные процессуальные изъяны, на которых строили свою защиту адвокаты обвиняемых. Но речь пойдет не об этом. А о той ажи, с помощью которой пытались отстаивать свою правду осужденные.

Начнем с так называемого “брифинга” Тихонова в Басманном суде 29 декабря 2009 года. На вопрос одного из журналистов: — Вы принадлежали к каким-либо неонацистским или к другим крайне правого толка организациям? — сидящий в железной клетке и старающийся изображать само спокойствие Тихонов с улыбкой отвечает: — Нет, не принадлежал. Вы посмотрите на меня: я похож на скинхеда или на белокурую бестию?

А вот что может сказать по этому поводу историк, причем опираясь только лишь на открытые общедоступные источники. В интервью отца Тихонова одному из самых пламенных общественных защитников его сына писателю и публицисту Александру Севастьянову говорится: “В 1996 году он (Никита Тихонов — Я.Л.) был жестоко избит группировкой скинхедов некоего Гуськова. Сын объяснил мне, что причиной всему были идеологические расхождения, которые в правом сегменте, среди националистов, имеют принципиальное значение. Те ребята были “титлеристы”. Я кричал, что всех избивших его пересяжу, — и совершил большую ошибку. Мы по-прежнему обсуждали политические вопросы, но с друзьями он старался меня не знакомить. Кстати, в противостоянии с гуськовцами его поддержали другие ребята из **правой гусовки** (выделено мною — Я.Л.), которые, наверное, и остались друзьями на годы”.

В вышедшей в 2002 году книге московского адвоката Сергея Беликова “Бригоголовые. Все о скинхедах. Эксклюзивные материалы” читаем: “Из конкретных лидеров скин-группировок можно отметить Гуськова из “Московского

скинхедлегиона”, Ивана Кулакова — “Кулака” — лидера группировки “Железные парни”. Из боевиков-костоломов многие знают арбатских скинхедов по кличке “Шкаф”, “Стальной”, “Дизель”. Известны и отдельные личности из среды футбольных болельщиков, например фанаты — болельщики “Спартака” — “Леший” и “Шульц”. По данным следствия, кличкой “Леший” пользовался в свое время именно Никита Тихонов. Наиболее известный Шульц в правом движении — это питерский национал-социалист и блогер Дмитрий Бобров, отбывавший шестилетнее заключение в 2003-2009 гг. Но он питерец, некогда участвовавший в создании футбольной группировки “Mad Crowd” (“Бешеная толпа”) и скин-бригады “Шульц-88”. Известно, что Никита Тихонов наведывался иногда в Питер, а Бобров — в Москву.

Но известен и другой персонаж по кличке “Шульц”, плотно взаимодействовавший с Тихоновым. Речь идет об Александре Шитове, принадлежавшем к скин-бригаде “Тесака” (Марцинкевича) “Формат-18”, осужденном в 2007 году за участие в нападении на погибшего панка-антифашиста Александра Рюхина. Но какого именно “Шульца” Беликов поставил в один ряд с “Лешим”, судить не берусь.

В другой известной книге (подаренной мне, кстати, в свое время Стасом Маркеловым) “Революция сейчас! Документальный роман” журналист Илья Стогов приводил цитату скинхед-журнала “Белое сопротивление” за 1998 год: “... В Москве наконец появились две нормальные скин-бригады “Blood & Honour” и “Объединенная бригада 88”. Крутость обеих бригад способна заткнуть за пояс даже наших западных единомышленников! Наконец-то появились энергичные бритые, которые смогут сплотить вокруг себя нужных людей!”

Журнал “Белое сопротивление” издавался как раз скинхедами из “ОБ-88”. Об участии Тихонова в этой “нормальной бригаде” со ссылкой на “Росбалт” сообщалось: “В 15-летнем возрасте Никита Тихонов, болевший за футбольный клуб “Спартак”, стал ходить на матчи команды, а потом примкнул к одному из фан-движений, среди участников которого оказались националисты. Никита занимался самбо и боксом, а также вместе с фанатами “Спартака” принимал участие в массовых драках, в том числе с антифашистами. В 1996 году во время одного из побоищ Тихонов был серьезно избит, получил травму головы и позвоночника, долгое время лечился”.

Со временем участники “ОБ-88” переплюнули количеством конкурентов из московского скинлегиона, о чем можно прочесть даже в выложенных в Интернет реферат-заготовках по субкультуре для студентов. Во время другой драки в 2001 году у станции метро “Парк культуры” Тихонову железным прутом сломали несколько пальцев руки и рассекли голову. Спустя год он вновь оказался в больнице: после драки у него была сильно повреждена бровь, шрам от ранения остался до сих пор.

Итак, на “брифинге” Тихонов, мягко говоря, лукавил насчет неучастия ни в каких организациях. Точно так же он старался ввести в заблуждение представителей СМИ, заявив, что после задержания на улице увидел в квартире “целую кучу непонятного оружия”. А вот все 12 присяжных единогласно признали его виновным в пункте по обвинению “в незаконном обороте огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, совершенных группой лиц по предварительному сговору”. И в кассационной жалобе адвоката Александра Васильева в Верховный суд так, между прочим, говорится: “Как следует из Протокола обыска, предложение выдать добровольно оружие было сделано Тихонову Н.А. и Хасис Е.Д. уже после того, как обыск начался и большая часть оружия была обнаружена (*т. 5 л. д. 126*). Таким образом, Тихонов Н.А. и Хасис Е.Д. были лишены возможности добровольно выдать интересующие следствие предметы и в частности — оружие (а такое намерение у них, безусловно, имелось)”. Того самого “непонятного оружия”, что ли? Кто кого больше переверт?

На том же пресловутом “брифинге” на вопрос, почему он был в первый раз в маске (6 ноября 2009 года при вынесении в Басманном суде постановления об аресте Тихонова и Хасис), подследственный отвечал, что, дескать, “это была не моя инициатива”, пояснив, что сейчас у него с лицом все “в порядке”: — Я под маской не прячусь сам по своей воле. Видимо, есть, что скрывать следствию, раз на меня напялили маску”.

Все, кто повелись на эту утку, в передаче-расследовании Павла Селина на НТВ смогли увидеть во весь телеэкран кадры следственного эксперимента на месте двойного убийства на Пречистенке, где Никита Тихонов ровным, спокойным голосом обращается к сопровождающим оперативникам: — Я прошу одеть шапку-маску, потому что здесь находится очень много зевак, и я не хочу, чтобы мое лицо видели.

А мы видим его лицо (замечу, через считанные часы после задержания) без каких-либо следов побоев, несмотря на заверения Тихоновым журналистов в том, что к нему применялось физическое воздействие.

СВИДЕТЕЛИ: ГОРЯЧЕВ, ГОЛУБЕВ, БАРАНОВСКИЙ, МУХАЧЕВА

В той же передаче “Влюбленные палачи” тогдашний лидер националистической организации “Русский образ” (далее РО) **Илья Горячев** предстает перед телезрителями на допросе в качестве свидетеля по делу своего давнего близкого приятеля. Для тех, кто успел позабыть о начале их дружбы, напомним о том, что весной 2003 года молодые историки Горячев и Тихонов стали выпускать самиздатский журнал-альманах “Русский образ”, вокруг которого с 2004 года начала формироваться одноименная политическая группа. Издание являло

собой клон сербского журнала “Образ”, выпускавшегося с 1995 года молодым националистом и православным фундаменталистом Небойши Крстичем. В ноябре 2004 года журнал “Русский образ” был зарегистрирован как ежемесячное общероссийское издание, а его учредителями стали Тихонов Никита Александрович и Горячев Илья Витальевич. При этом пресс-служба РО в лице Евгения Валяева впоследствии отрицала членство Тихонова и Хасис в организации (что может быть чистой правдой для последующего периода времени). Но исключать изначального членства Тихонова в РО тоже нельзя, тем более что его со студенческой скамьи связывали близкие дружеские отношения с вокалистом известной в правых кругах группы “Хук справа” Сергеем “Ой-Ёй!” Ерзуновым, образованной в начале 2006 года. На сайте РО группа объявлена “официальным Голосом Русского Образа на музыкальной сцене” в связи с тем, что в ее состав входили и входят активисты этой организации.

И вот с телеэкрана до нас доносится голос Ильи Горячева по прозвищу “Студент”, подтверждающего участие его друга Тихонова и неплохо знакомой ему Хасис в убийстве на Пречистенке (роль Хасис была обозначена Горячевым как “разведка”). А затем следует недоуменная реплика Максима Шевченко об известном ему со времени работы в “Независимой газете” Горячеве: “Он не производил впечатление труса. Чем он руководствуется, когда дает такие показания, которые хоронят Тихонова и Хасис?”

За два месяца до показа передачи в судебном заседании 11 апреля подсудимый Тихонов неожиданно сообщил, что в октябре 2009 года пистолет “Браунинг” 1910 года выпуска, который был найден при обыске в снимаемой им и Хасис квартире и из которого, согласно заключению экспертизы, были убиты Маркелов и Бабурова, ему передал не кто иной, как Горячев: — Мы встретились в кафе на Ленинском проспекте, Илья Горячев сказал, что у него есть старый пистолет, который разболтался. Попросил меня посмотреть, смогу я починить или нет. На вопрос, откуда он его взял, он ответил уклончиво: “Где взял, там уже нет”.

Тихонов также уточнил, что успел съездить отстрелять браунинг “где-то в районе МКАД под шум машин”, хотя ранее утверждал, что именно из этого пистолета не стрелял никогда. В то же время обвиняемый счел нужным добавить, что лидер “Русского образа” не мог совершить данное преступление, поскольку “убийство противоречит убеждениям Горячева”. К тому же у “Студента” имелось железное алиби, так как он находился в тот день за границей.

Сам свидетель Горячев, которому гарантировалась государственная охрана, ничего не прояснил, предпочтя заблаговременно покинуть пределы России.

Когда 18 апреля в зал Мосгорсуда вошел **Сергей Голубев по кличке “Опер”** и сообщил, что познакомился с Тихоновым в 2003 году на концерте группы “Коловрат”, подсудимый тут же парировал: — Ваша честь, я впервые вижу этого человека.

Чтобы не заставлять читателя долго ломать голову над искренностью Тихонова, лучше процитирую последнее слово второй обвиняемой Евгении Хасис, выложенное на сайте того же Севастьянова "Политсовет.org": "Голубев Сергей мне неизвестен. И я ему неизвестна. Тем не менее, он сделал все, чтобы опорочить меня и облить грязью. Мне нечего сказать дурного про этого человека, но нечего сказать и хорошего. Я его не видела ни разу, **Никита видел три раза**. <...> Не буду ни опровергать, ни соглашаться с его показаниями. Есть суд, который его осудит, и этот суд будет правильным и праведным".

В судебном заседании Голубев сообщил, что к добровольной явке на суд его побудили две причины: угрозы, прозвучавшие в его адрес в "прослушке" разговора между Тихоновым и Хасис, и выложенный в Интернете "слив" беседы Хасис с настоящими операми о нем. По данным неонацистского сайта "Герои воли", в настоящее время сам Голубев проходит по статье 282 УК РФ как подозреваемый в написании и распространении некоей "Стратегии 20/20" и помогает следствию изобличить других националистов, причастных к распространению сего опуса.

Во время судебного заседания он поведал, что с 2003 по 2007 гг. плотного контакта между ним и Тихоновым, известным ему как "Ральф", не было, за исключением общения на форумах в Интернете. Когда же они вновь встретились, Тихонов уже жил на "нелегале" вследствие павшего на него подозрения в участии в убийстве Рюхина. По словам Голубева, во время одной из встреч ему было сделано предложение участвовать в акциях "прямого действия против врагов русской нации", против антифашистов и правоохранительных органов. Однако он отказался.

Отвечая на вопрос прокурора Бориса Локтионова о том, что он знает об убийстве адвоката Маркелова, Голубев неожиданно ответил, что 15-16 января 2009 года он встречался с Ильей Горячевым для получения от последнего денег для помощи заключенным-националистам и что "Студент" предупредил его о том, что в ближайшие две недели что-то произойдет и могут быть облавы на националистов. Выходит, и Горячев знал заранее о готовящемся покушении? Ничего удивительного, если учесть, что слежка за Маркеловым велась, как минимум, с ноября 2008 года. А может быть, и раньше, если вспомнить жестокое убийство лидера московских антифашистов Федора Филатова ("Федя Нока") 10 октября того же года, не раскрытое до сих пор.

Со стороны защиты обвиняемых на заседание суда 7 апреля были приглашены две, возможно, самые загадочные в правом движении персоны – **Алексей Барановский и Ольга Мухачева ("Матильда")**. Интернет кишмя кишит историями о провокаторских проделках Барановского-"Собера" и Ольги Касьяненко (девичья фамилия Мухачевой), особенно в бытность их лидерами двух карликовых организаций – "Красный блицкриг" и "Черный блицкриг". Любая

поисковая система выдаст сколько угодно ссылок на сайты с выложенными на них картинками — сканированными документами и фотографиями об их похождениях, достойных пера сочинителя бульварных авантюрных романов. Нередко в связи с ними всплывает и слово “азефовщина”.

Как бы ни относиться к “ссученным” (а иначе, как “Сучий образ”, теперь РО никто не называет), но заслуживает внимание мнение пришедшего на смену Горячеву в качестве лидера РО **Алексея Михайлова**, высказанное в интервью Никите Гирину из “Новой газеты”: “На одном из заседаний, на которых я был, я видел страшный, на мой взгляд, провал адвокатов. Это явка Барановского в суд и дача им показаний, что выглядело для любого непредвзятого — да и предвзятого — наблюдателя крайне аляповато. Человек врал, врал под присягой, на чем даже несколько раз был пойман, когда сказал, что не писал в ЖЖ *soberminded*, хотя его же подруга Ольга Мухачева назвала его в суде “Собером”. Это было отвратительно. То есть человек, вначале делая полезную работу, как это характерно для Барановского, на каком-то этапе начал звездить, тянуть одеяло на себя и воспринял это как свой бенефис. “Я такой герой, прихожу в суд, мне плевать на закон, я сейчас Женю буду спасать”. Я считаю, что на самом деле эта клоунада Барановского и Мухачевой могла стоить нескольких голосов присяжных. Как сказал Ницше: “Самое верное средство нанести ущерб какой-либо идее — защищать ее ложными доводами””.

Как-то не верится, что такой опытный интриган и политикан, как Барановский, мог так задешево проколоться с билингом своих звонков по мобильному, когда пытался утверждать в суде, что Хасис вместе с ним покупала шампанское в момент совершения убийства Маркелова и Бабуровой. Он что, не понимал, насколько это легко проверить, запросив операционные службы компании сотовой связи, что и озвучил в процессе адвокат семьи Маркеловых Роман Карпинский? А откровенно демонстративная ложь насчет “Собера”, тогда как распечатки показаний Горячева и Ерзунова, в которых раскрывается этот “ник”, не только лежали перед присяжными, но и который месяц гуляли по Сети? Нет, тут не так все гладко, и создается даже впечатление, что “Собер” с “Матильдой” подыграли суду. Не исключено, что имела место сделка — для того, чтобы находящаяся и сама под следствием Мухачева смогла бы подобно Горячеву, беспрепятственно покинуть Россию.

Судя по высказываниям Барановского в его ЖЖ, он с самого начала все хорошо знал. Так что возникает два закономерных вопроса: во-первых, почему в Сети (в отличие от показаний Горячева, Ерзунова и еще одного персонажа из провинции) не выложены показания “Собера”, — ведь, если это выкладывали “компетентные органы”, как настаивали “общественные” защитники обвиняемых, в них отсутствовали бы показания об “алиби” (о котором впервые было заявлено в суде) и это было бы крайне выгодно стороне обвинения; и, во-вторых, почему, уличенный во лжи в зале суда Барановский до сих пор не привлечен прокуратурой за лжесвидетельство?

НАЦИСТЫ — ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАНДИТЫ

Остроумно написал какой-то неведомый мне блогер: “Будь Хасис обвинена в убийстве зажавшегося губернатора или партийного казнокрада, ее наверняка превратили бы в современную Софью Перовскую. Однако Женю, судьба которой напоминает сюжет социальной драмы с сюрреалистическим оттенком, обвиняют в гибели человека, который сам защищал обездоленных бедолаг...”

Тихонов целиком взял процесс на себя, прекрасно понимая, что несдержанная и экзальтированная Хасис может легко сорваться, и тогда вся линия защиты накроется медным тазом. К тому же Тихонов — неплохой актер (как выясняется, еще в студенческих театральных постановках пробовал свои силы). Наконец, он думающий историк. Один его бывший сокурсник рассказывает, что в их общей компании был отличавшийся монархическими взглядами Александр Писаревский, который успел побывать и выйти из РНЕ и вступить в остатки общества “Память”, громко именовавшиеся “фронтом”. Так вот, в свое время, в отличие от Писаревского, Никита Тихонов заявлял, что взгляды “Памяти” ему кажутся чересчур “радикальными” и что наиболее предпочтительным из российских императоров был Александр II. В студенческую пору Тихонов также стоял у истоков Дня историка в МГУ, одним из первых вступил в ТССИ (Творческий союз студентов-историков) истфака. Теоретически он даже мог встретиться со Стасом Маркеловым на какой-нибудь исторической площадке. Например, в Исторической библиотеке, где мы в 1995 году проводили первую в стране конференцию “Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в.” (Маркелов тогда принадлежал к объединению “Левый исторический клуб”). Может быть, услышав доклады о Нечаеве, Дегаеве и Азефе, Никита как-то иначе смотрел бы на мир? Но тогда он был еще школьником, не записанным в “Историчку”, которую активно посещал впоследствии.

Прямых доказательств убийства им Маркелова и Бабуровой нет. Имеется лишь совокупность доказательств. Но такие ли уж невинные жертвы Системы Тихонов и Хасис, как полагают некоторые великодушные честные люди, однокурсники Никиты, например? Если допустить, что произошла судебная ошибка и Тихонов осужден за более тяжкое деяние, нежели он совершил на самом деле, то остаются факты его принадлежности к радикальному подполью, одобрение им методов этого подполья (по крайней мере, на тот момент) и содействие хранением и ремонтом оружия. В любом случае, он знает на порядок больше, чем счел нужным изложить следствию и суду. Орудие убийства, единогласно признанное присяжными таковым, было найдено на его съемной квартире. Попытка приписать передачу ему браунинга Горячевым выглядит не менее смехотворно, чем выпущенное Голубевым 22 апреля аудиообращение, в котором “Опер” объявил Тихонова и Хасис осведомителями органов.

Теоретически можно, конечно, допустить, что стрелять мог, скажем, не Тихонов, а Коршунов, он же “Леша-морпех” (тот самый, что недавно при странных обстоятельствах вроде бы погиб в Запорожье, подорвавшись на собственной гранате). Не удивлюсь, если осужденный и его адвокаты вдруг начнут переводить стрелки на Коршуна — какой с мертвеца спрос! Собственно говоря, он и стрелял бы, даром, что ли, служил в спецназе и ФСБ. Да Маркелов с Бабуровой пошли в другую от него сторону, где их поджидал Тихонов... Я тут в основном всё о нем да о нем. А что же Хасис?

Рыжая лиса “Sheney” (под таким ником и картинкой ее знают в ЖЖ), лично наблюдавшая Маркелова в суде об убийстве Рюхина (известного в антифашистских кругах как “Штопор”), определенно знала, где и когда адвокат будет находиться 19 января. При обсуждении на `ru_politics` вопроса о досрочном освобождении Юрия Буданова (именно этому вопросу, если кто позабыл, и была посвящена последняя пресс-конференция Маркелова), за пять дней до убийства, Хасис-“Шени” комментирует: “Нет, пока продлено до 19-го января. Если по итогам разбирательства, которое возникло благодаря **чечено-левацкому-адвокату Маркелову**, который подал жалобу, ничего не изменится, то выйдет уже без всяких НО!” А потом на работе она внезапно поменялась со сменщицей своим выходным днем 20 января на день раньше.

В отличие от своего парня, легальная “правозащитница” Женья Хасис не особо церемонилась с конспирацией, и поэтому ее потом пробили по интернету по полной программе. 14 марта 2009 года в ЖЖ “Собера” она пишет: “Вера Засулич — кумир мой, фактически! Только в НС среде принято считать, что женщина для борьбы непригодна, а потому должна сидеть и детей рожать и дома ждать с блинами и караваем. Я так скажу, в условиях БОРЬБЫ, если она действительно есть, каждый должен внести свой вклад в дело Мировой Революции. И женщины в том числе. “Если чувствуешь, что ты можешь это сделать. Иди и делай это””. Это она о себе, о том, как пошла на Пречистенку и как поздравила Барановского с днем рождения на следующий день после убийства: “С Днем рождения вас! Всего самого светлого и наилучшего, ну и исполнения всех Ваших желаний, даже самых смелых! Ведь это уже происходит, как я понимаю :)!” Ну, и еще одна подленькая запись “Лисоньки” о Стасе Маркелове 16 июня 2009 года: “Герои не умирают — герои живут вечно)))”.

Однако возникает вопрос: почему Тихонов поначалу пошел “в сознанку”, т.е. дал признательные показания и согласился на следственный эксперимент, а Хасис долго упорствовала? (Или, по крайней мере, ее признательные показания нигде не засвечены.) Ясно, что дело не в угрозе сунуть подружку в мужскую пресс-хату, как вещал Тихонов. Я думаю, что Никита реально сорвался, не представляя в первые дни степени осведомленности органов и масштаба арестов. А “в отказ” пошел, прояснив ситуацию с адвокатами. Хасис же, наоборот, поначалу уперлась, а разговорилась с операми уже после того, как ей продемонстрирова-

ли видео с признанием Тихонова. Что она им наговорила, кроме малой толики, выложенной в Сети, сказать трудно. Зато допустить, чтобы Вера Засулич или Вера Фигнер откровенничали с “охранкой”, никому и в голову не придет.

Отвечая на “брифинге”, с которого мы начали, на вопрос, что он делал 19 января 2009 года, Тихонов отговорился забывчивостью. Странное свойство памяти для историка менее года спустя, если учесть, что Барановский “детально” помнит этот день и через два года. А ведь для “Собера” Маркелов был всего лишь презренной “шавкой”, тогда как для Тихонова — личным врагом.

В одном из выложенных в Сети “мировоззренческих” посланий из Лефортово Никита Тихонов рассуждает о необходимости националистов всецело перейти на рельсы православия. Как тут не процитировать ровесника Стаса о. Даниила Сысоева, убитого (ликвидированного?) столь же подлым способом: “...национализм смертельно опасен. Ведь *национализм – это не любовь к своей нации* (тем паче, что христиане принадлежат к народу Христа, а идеология превосходства одной нации над другими или идеология нации как высшей формы организации человечества по сравнению с другими общественными институтами — это определения из всех энциклопедий, мне известных). Как может христианин принимать такую очевидно абсурдную идеологию? В первом смысле национализм абсурден и греховен, ибо отрицает происхождение всех людей от одного Адама, а раз так, то нет ни первородного греха, ни искупления. Более того, такой национализм оскорбляет сами народы тем, что сводит народные различия, порожденные наказанием Бога в Вавилоне, к биологии” (из книги: Священник Даниил Сысоев. Гражданин Неба. М., 2011). И еще: “*национализм для христианина – это признак его ущербности*”; “*всякий национализм не может быть совместим ни с христианством, ни с простым здравым смыслом*”.

Лично у меня как у историка и гражданина совершенно иное стилистическое толкование экстремизма по сравнению с пресловутыми центрами “Э”. И право народа на восстание я не отрицаю. Моему другу, президенту Института верховенства права Станиславу Маркелову тоже был не чужд (заявляю со всей ответственностью) лозунг: “В борьбе обретишь ты право свое!” Как специалист по эсеровскому движению и народовольческо-эсеровскому террору, в частности, я имею, что сказать моим соотечественникам о психологии “подпольного человека”. Тем решительней и говорю, что методы современного нацистского терроризма — это методы политического бандитизма. Как это похоже на методы русской “черной сотни” и итальянских фашей, из-за угла или сворой нападавших на большевиков Афанасьева и Баумана, кадетов Герценштейна и Иоллоса, врача-народника Караваева, депутата-социалиста Маттеотти, либеральных социалистов и антифашистов братьев Росселли... А в методах спецслужб и судебных всегда была и будет доля политического шулерства.

ВНИМАНИЕ! ЯДОВИТОЕ ЧТИВО

РЕЦЕНЗИЯ НА ТРИЛОГИЮ ЛЬВА ПУЧКОВА “НАЦИЯ”

Вожидании моего вечернего поезда в Питер я слонялся по холлу Ленинградского вокзала в Москве, смотрел на людей, о чем-то своем думал. Когда я поравнялся с одним из многочисленных книжных киосков, находящимся прямо перед выходом на платформу, мне в глаза бросилась яркая обложка с названием “Нация”. Я попросил продавца показать мне эту книгу. Выяснилось, что истинное название ее “Террорист” и она завершает трилогию “Нация”. Любезный продавец мягким шепотом порекомендовал мне сначала ознакомиться с двумя первыми произведениями трилогии. С видом заговорщика он нагнулся и откуда-то извлек две книжечки в мягких черных суперобложках с говорящими названиями: “Ксенофоб” и “Изгой”. Автор — Лев Пучков. Я прочел краткую аннотацию к первому роману: “Как получилось, что русский чувствует себя изгоем в собственной стране? Если общество и власть старательно делают вид, что такого вопроса не существует, молодежь сама пытается найти ответ на него. И, казалось бы, ладно, пусть себе ищет, — но, зачастую, эти пытливые поиски принимают самые ужасные и непредсказуемые формы. И тогда молодой учитель истории, преподающий интернационализм и толерантность, становится отъявленным ксенофобом, а его друг — образцовый спортсмен и пример для всех городских мальчишек — безжалостным убийцей...”

Аннотация меня впечатлила, и я понял, что мне надо ознакомиться с этой “Нацией”. Для начала я купил предложенные мне две ее части. Почему я это сделал? Уже несколько десятков лет, работая с молодежью, я должен по мере своих сил и возможностей там, где это необходимо, предупреждать ее вовлеченность в фашизм. Поэтому там, где есть горячие головы, но душа еще чиста, там можно еще помочь, что-то предотвратить.

Конечно, читающей молодежи становится все меньше, но она есть. И очень важно, что она читает, из какого источника черпает знания. Я считаю, что мой долг — вмешиваться в жизнь подростка или молодого человека, если при встрече со мной он начинает делиться своими неокрепшими фашистскими мыслями. Здесь без искренних бесед, диспутов и споров просто не обойтись. В сайтах я откровенно слаб, а вот если источником является книга, это уже очень неплохо. О книге можно полемизировать, логически объяс-

няя юному оппоненту лживость ее содержания и ошибочность его выводов о прочитанном. Для этого только нужно подобные книжки читать. И лучше об этих книгах знать заранее, чем потом вдогонку с ними знакомиться.

Это и книги, от которых за версту несет фашизмом, и те, которые скрывают свою фашистскую сущность. Последние представляются мне более достойными внимания, так как за лозунгами о мире и братстве они в скрытой форме несут человеконенавистнические идеи. Образно говоря, они представляют собой невидимый глазу вирус, которым можно заразиться, особенно в детском, молодом возрасте.

И с этой “Нацией” я не ошибся. Как театр начинается с вешалки, так предисловие от редакции довольно серьезного московского издательства “Эксмо” начинается следующим образом: “У вас в руках книга-размышление, книга-предостережение. Книга, которая заставляет задуматься. Книга, поднимающая одну из самых серьезных проблем в российской действительности — национальную”. Это первый абзац. И заканчивается предисловие так: “Но давайте приглушим эмоции. Прочитаем. Попытаемся признаться самим себе, что это — правда, так было, так есть. Но так не должно быть! И попытаемся найти ответы на вопросы. Как ужиться в мире и добрососедстве “нашим” и “не нашим”, “белым”, “черным”, “желтым”? Где найти ту истину, которая объединяет народы, а не разъединяет их? Как не увязнуть в шовинизме и ксенофобии? Как, в конце концов, остаться людьми и не превратиться в зверей?”

Предисловие прекрасное — хоть прямо сейчас предлагай его в качестве учебного пособия по политкорректности. Но обратимся к тексту.

Книга первая: “Ксенофоб”. Герои романа — состоявшиеся, самодостаточные люди. Один из них преподает историю в школе, другой — физкультурник, бывший офицер-десантник, прошедший горячие точки. Оба из приличных семейств: мать одного из них заведует районным отделом образования, родители другого — потомственные военные с казацкой родословной. Автор романа дает читателю понять, что питательная почва для неонацизма — это не кучка проблемных подростков, требующих срочного вмешательства психологов и психиатров, а наша, так сказать, молодая элита общества — учителя и офицеры. Это, возможно, сделано автором для того, чтобы сомневающиеся читатели не думали, что в skins и иже с ними идут только неполноценные и закомплексованные люди, как об этом пишет официальная пресса и говорят ученые. Нет: в романе выходит, что даже очень благополучные и уважаемые люди в нашей стране берутся за оружие.

Теперь о взаимоотношениях героев романа. Историк и физкультурник, во-первых, друзья детства, а во-вторых, активные участники патриотического

клуба, действующего на базе этой же школы, причем физкультурник — его председатель. Здесь, вероятно, намек на то, что истинный патриотизм должен воспитываться со школьной скамьи. И этот самый патриотизм может быть стартовой площадкой для всех желающих стать различными радикальными элементами. Автор разными способами вдалбливает читателю, что истинный патриотизм всегда деятельный. Например, это конкретные акции.

Третье, возможно, главное действующее лицо романа — это такая колючая, вся в джинсах и свитерах, воинственно невротизированная по жизни, в частности, склонная к мощным истерическим пассажам, молодая журналистка, по совместительству жена физкультурника. Как следует из книги, она сама, безо всякого блата, и в МГУ на журфак поступила, и успешно закончила его, и, отказавшись от столичной карьеры, вернулась в свой родной подмосковный городок, где и стала свободным художником от журналистики, то есть всякую правду-матку стала писать. В смысле, о том, как Русь от иноземцев гибнет.

А как же любовь? Ее почти и нет — видимо, когда отечество в опасности, не до нее. Во 2-й книге один раз будет упомянуто, что супругам опальные патриоты подыщут отдельный угол, чтобы хоть как-то обозначился их гражданский статус.

Наконец, далеко не последние герои книги — это подростки, друзья, да не простые, а как Тяни-толкай. Один из них — это родной брат физкультурника. Очень инфантильный, но зато преданный делу, брату и патриотам, преданный им и душой, и телом. Особенно телом: это и бои без правил (“только сунься — урою”), это и Рембо и Арнольд Шварценеггер вместе взятые. Конечно, он духовно, идейно и мышечно воспитан старшим братом. А другой подросток — это его тень, ведомая личность при сильном лидере. Этот мальчик всегда там, где физкультурников брательник.

Вот, собственно, и вся обойма главных действующих лиц: один историк, один физкультурник-офицер, одна журналистка, один младший брат и его друг. Этой-то бригаде и предстоит наворотить массу “больших” дел в масштабах всей страны — конечно, дел плохих, в чем постоянно признается автор, но вполне оправданных с точки зрения психологии героев. Мол, жизнь их до этого довела, иначе уже жить было невозможно.

Мы не собираемся рассказывать вам обо всех их делах — это глупо и, если честно, тошно и неинтересно. Дела, на самом деле, мрачные. Мы попытаемся сделать другое: коротко проследить за основными моментами, в которых автор будет оправдывать деяния своих любимых героев (я лично не сомневаюсь, что автор им симпатизирует). А также попытаемся понять, почему автор все-таки считает своих героев толерантными и интернационалистами,

то есть проследим за тем, как автор, усыпляя бдительность читателя, будет называть добро злом и наоборот, — иными словами, опишем его технологию промывания читательских мозгов.

С чего все началось? Со скуки. Скучно всем действующим лицам стало заниматься просто словесным патриотизмом. И чувствовали они, что простой говорильни о бесправии русского народа в собственной стране мало. И невротично-психопатическая журналистка все подзуживает своих товарищей: “Нужны решительные действия! Нужна мужская воля, а не бабские вопли!” Теперь только бы найти повод. И повод нашелся, да не один.

Во-первых, как-то раз историк зашел на рынок за сигаретами. А там его бандиты с Кавказа остановили: “Зашел на нашу землю, дань плати”. Историк платить не стал, и его избили и обобрали. Унизили по полной программе. Да еще на камеру все засняли, и приговаривали: “Вот что будет с каждым русским, кто руку поднимет на Великий Кавказ”. Заплаканный и весь в гематомах патриот-историк пришел жаловаться своим товарищам. А ему рассказывают, что эти же злодеи, северокавказская мафия, еще и журналистку изнасиловали. И терпение патриотов кончилось.

Вроде бы поводы веские: избиение и изнасилование. В милицию обращаться бессмысленно — вся куплена кавказцами, да они и сами там сидят. Рассказал им об этом их друг, сочувствующий милиционер, периодически появляющийся персонаж. Понятное дело, когда власть тебя не защищает, нужно защищать себя самим. Другого выхода нет. Так незаметно автор подготавливает читателя к праведной мести героев.

И вот главные герои разработали, подготовили и нанесли первый контрудар, то есть провели первую серию акций возмездия. Мы не будем вдаваться в детали — все это мерзко и сравнимо лишь с самыми худшими боевиками, в которых много бандитов, крови и садизма. Это все отвратительно и вредно для здоровья нормальных людей. Технология возмездия тоже банальна: вычислить места обитания, подготовить операцию и напасть. Гораздо важнее другое — как они все это провернули. И вот здесь появляется некий сочувствующий взрослый дядя, инкогнито, до такой степени законспирированный, что предложил нашим героям называть его как угодно: “Хоть шайбой назови”.

С этим Шайбой обиженных ребят познакомили в дружественной молодежной патриотической организации. Там услышали, как обидели кавказцы историка и журналистку, опечалились и рассказали о беспределе кавказцев кому надо. Вот тогда и произошла знаковая встреча на тайной базе дружественной неонацистской организации наших героев с дядей Шайбой.

Встреча была обставлена в лучших традициях революционной конспирации. В комнате, где оказались герои в обществе местных мальчиков — то ли

охраны, то ли почетного караула — открывается тайная дверь. Из нее выходят несколько дядей. Молодой “фюрер” дружественной организации командует: “ЗЗ!” Это значит, все мгновенно должны отвернуться, так как этих товарищей никто не должен видеть в лицо. Так произошло знакомство нашей бригады с Шайбой. Шайба, видимо, представляет некие неведомые обществу, но могущественные взрослые силы, готовые в любой момент прийти на помощь униженным и оскорбленным кавказской экспансией.

И Шайба предлагает свою помощь: “Обидели? Мстить будем или как?”. Ребята спрашивают: “А вам зачем?” Шайба загадочно отвечает: “Надо!” Мораль “мстительного этапа такова: люди, если вас обидели инородцы, не сидите без дела, действуйте. И всегда найдутся добрые люди, сами на вас выйдут, и вам помогут. Кстати, при этом стремительно возрастет ваш рейтинг в социальных патриотических сетях. Он и возрос, в первую очередь, стараниями нашей экстремистской журналистки. Ребята стали героями. Ибо зло должно быть наказано, хорошо наказано.

Финал истории ксенофоба: физически немощный интеллигент, учитель истории, в конце операции “Возмездие” случайно выстрелил из табельного отцовского пистолета, прихваченного по случаю. Выстрелил и случайно убил кавказского обидчика. Он, конечно, в первые секунды оторопел от содеянного, но быстро восстановился, ибо времени на сантименты не было. Ноги делать надо было. Осмыслил окончательно историк, что произошло, уже в машине, с друганами и Шайбой. И легкие угрызения совести от убийства человека сменились мужской гордостью.

Птенец, чирикающий о спасении России от инородцев, в мгновение ока превращается в гордого орла, уверенно парящего в небе над бескрайними просторами нашей Родины и готового в любой момент камнем кинуться вниз для защиты ее от внутреннего врага. Вот такой кровавой инициацией гуманиста и патриота в прошлом в воинствующего бандита в настоящем завершается первый роман трилогии. Разве не эффектная пиар-концовка для восприятия идеологически неустойчивыми молодыми читателями?

Суть 2-й книги “Изгой” проста. Совершив возмездие, историк-убийца и его подельники легли на дно. Они объявлены в розыск. Ищут их, естественно, и северокавказцы, которые должны им отомстить. И вот тут фантазия автора беззастенчиво смешивает голливудскую и отечественную киноахию. В первую очередь, надо позаботиться о близких: мамах, папах, братьях и сестрах. Поэтому с помощью добрых людей их переселяют в законспирированные места. Сами же герои находят в дачном поселке добрую бабуся, которая сдает им часть дома. Там они и прячутся. Но все бодры и не падают духом. Военная дисциплина, жесткий режим дня. Рано встают, рано ложатся. Порядок и чистота идеальные. Места общего пользования и посуду моют

по очереди. Пища здоровая, крестьянская. Не пьют, не курят. Много тренировок на открытом воздухе. Оборудованы борцовский и легкоатлетический блоки. Много говорят о светлом будущем. Журналистка, конечно, очень томится, ее на подвиги тянет, и она укоряет новоиспеченных подпольщиков в бездействии. Типа, пока мы здесь прозябаем, страна пропадает. Мальчики ее урезонивают: мол, еще не время, еще не пробил час. Но когда пробьет... А она не хочет ждать, хочет воевать.

Как это романтично и притягательно для уязвимых читателей: страдание за правое дело, бегство от преследователей, ореол изгоя-мученика. Но изгой живет коммуной, с хорошими и преданными друзьями, спортсменами, ведущими здоровый образ жизни и употребляющими экологически чистую пищу.

Общественный резонанс — на момент ухода в подполье рейтинг этой банды возрос и стал зашкаливать в неонацистских социальных сетях. Эти бандиты приобрели не просто статус героев, а заслуженных и народных героев. Короче, полный рот-фронт современного разлива.

Вероятно, линия нарастающей общественной поддержки придумана автором. Это вынужденная мера, чтобы внушить доверчивым читателям, что такие доблестные дела без поддержки масс невозможны. В противном случае это были бы всего-навсего криминальные деяния остервеневшей банды маньяков.

Заставила-таки журналистка ребят взяться за оружие и выйти из подполья. Повод нашелся серьезный — страдающие от беспредела “черных” бесправные студенты из общежития периферийного вуза. Его продажный ректор нелегально сдает половину общаги кавказцам, и четверть — таджикам-гастарбайтерам. Узнала обо всем этом беспокойная журналистка и стала уговаривать ребят провести акцию “освобождения”. Долго уговаривала — ведь нельзя же было нашим партизанам светиться. Дядя Шайба запретил. А к этому времени жила уже наша команда исключительно по правилам, установленным Шайбой. Но, увы, нарушили побуждаемые состраданием ребята приказ ставки и высунулись. Правда, на подмогу им пришли партнеры по патриотизму, группа скинхедов.

За две минуты “освободители” разобрались с кавказскими угнетателями. Хотели уйти тихонько, без потерь, но не получилось — один из героев пал смертью храбрых. И вот здесь еще одна интрига: погибший друг оказался азербайджанцем. Автор еще в первой книге нелепым образом ввел эту интернациональную линию. Восточный друг помогал “патриотам” по мелочам, почти как свой. А тут поехал на акцию против кавказцев. И когда не вышло уйти тихо, стоял наш нерусский плечом к плечу с неонацистами и дрался

как лев. И пал смертью храбрых. Описано все это очень трогательно. Физкультурник не хотел бросить убитого друга на поле боя, плакал навзрыд. С большим трудом товарищи оттащили его от тела и все-таки чудом смылись всей компанией. Вот вам и “толерантное алиби”. Кушайте, доверчивые читатели, на здоровье.

После большой партизанской атаки дядя Шайба вывез всю нашу команду на военном самолете (однако, они могут все!) на родину физкультурника, в казачий курень где-то в южных степях. Там родня слегка пожурила казачков, но приютила и обогрела. А поскольку встречи мести северокавказского воинства было не миновать, то все казаки куреня помогли нашим героям мстителей уничтожить и следы их глубоко закопать в степную землю. Вот так закончился “Изгой”, роман № 2 из трилогии “Нация”.

В книге №3 — “Террорист” — как понятно, те же самые идеи упакованы в террористическую оболочку, и пересказывать их нет нужды.

Кто-нибудь подумает: зачем это нужно — проводить такой муторный анализ писаний Пучкова? Я уверен, что лихо закрученный Пучковым сюжет может какую-то часть читателей оставить равнодушной ко всему, что происходит в этих романах. Особенно эта поливариантность прочтения возможна в обществе, в котором исторические науки склонны обманывать и объегоривать желающих познать отечественную историю. Значит, тем более возрастает ответственность антифашистки ориентированных свободомыслящих людей за формирование взглядов и идеологии подрастающего поколения. Они, носители антифашистских идей, должны быть готовы к длительному диалогу со своими ровесниками, которые находятся на грани скатывания в фашизм.

Определенная часть читателей из числа подростков и молодежи могут быть падки на подобную низкопробную, но весьма впечатляющую литературу, например, на трилогию “Нация” Льва Пучкова. И мы должны быть потенциально готовы к длительному и избобличающему разговору с этими юными заблуждающимися читателями. Осведомлен — значит вооружен, вооружен знаниями “логического каратэ”, которые могут помочь заблуждающимся найти истину.

А с психологической точки зрения подобное чтиво очень опасно, ибо ядовито. И соответственно нашим возможностям мы должны принять все меры защиты, чтобы интересующееся проблемами толерантности молодое поколение не захотело читать такие книги.

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ ПАРИЖСКОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ ГРУППЫ SCALP

*“Ни разу не страшно!”
Акция против закона, запрещающего
одевать маски во время демонстраций.*

Расскажите о своем опыте участия в антифашистских инициативах, об истории антифашистского движения во Франции, о политическом контексте Франции.

Антифашистская инициатива “No pasaran”, в которой мы участвуем, была создана в конце 1980-х – начале 1990-х гг. с целью объединения разных антифашистских групп. Мы стремились, чтобы наше движение не только занималось борьбой с ультраправыми, но и другими вопросами: проблемами, связанными с миграцией, противодействием силовым методам решения общественных проблем со стороны госструктур. Группа, в которой мы участвуем в Париже, называется SCALP (трактовка названия имеет много значений: section carrément anti le Pen — фракция, которая категорически против Ле Пена, section de combat contre la police — секция, контратакующая полицию, или section de contre attaque de la passivité — секция, контратакующая пассивность). Мы всегда считали, что антифашизм именно в этом: бесполезно воевать только против ультраправых, не борясь с причинами, которые их порождают. Главный расизм — это расизм государственный, но не потому, что государство расистское, а потому что методы решения социальных проблем — те же: насилие. Верно и обратное: не заниматься ультраправыми группировками нельзя, потому, что их идеи становятся частью государственной политики. Это называется “лепенизация”.

Все 90-е годы и после 2000 года во Франции было две антифашистских стратегии. В середине 90-х появилась новая форма антифашизма — то, что мы назвали “республиканский антифашизм”. Для такого антифашизма ультраправые — основная угроза демократии, угроза традиционному французскому пониманию республики. Это отличается от нашей позиции, потому что мы считаем, что республика в том виде, как она есть — даже демократическая — способна заразиться идеями ультраправых и использовать их в своей политике. Основная цель “республиканского” антифашизма — противостоя-

ние Национальному Фронту (Front National)¹ вплоть до его запрета и активное участие в предвыборной жизни страны, чтобы помешать ультраправым набрать больше голосов. Для нас проблема состоит не только в том, чтобы Жан-Мари Ле Пен (лидер Национального фронта с момента его основания в 1972 по январь 2011 г.) не пришел к власти, но чтобы и его идеи не проникли во власть.

Наша позиция иная — радикальный антифашизм. Наша стратегия — не стараться запретить Национальный Фронт на законодательном уровне, не пытаться победить его на выборах, а принимать участие в социальной борьбе: защищать противоположные ультраправым ценности — антирасизм, социальное равенство и т.д. Можно запретить Национальный Фронт, но от этого люди не перестанут быть расистами, это борьба идей, а не запретов. У нас есть пример запрета очень маленькой ультраправой группировки: через некоторое время она опять появилась под другим названием. Помимо этого, практика “борьбы с экстремизмом” такова, что если запретили кого-то в ультраправом спектре, одновременно запрещают кого-то в ультралевом спектре. Мы считаем, что это не лучший способ решить проблему. У

Национального Фронта есть свой социальный проект, который нас не устраивает. У нас свое видение как должно быть устроено общество. И мы должны показать, что наш проект осуществим и на практике.

Сегодня республиканский антифашизм потерял актуальность, потому что изменилась тактика Национального Фронта. Много лет он использовал провокации: в 1990-е его политикой было выгладеть как будто он против системы. Но после последних президентских выборов, с момента, когда дочь Ле Пена — Марин Ле Пен — возглавила Национальный Фронт, его дискурс изменился: “Я не расистка, я не ультраправая, я — республиканка”. Ле Пен раньше тоже это говорил, но на практике делал обратное. Основным поводом для критики Национального Фронта был антисемитизм, неприемлемый для французов. Раньше Ле Пен позволял себе антисемитские заявления², но при этом в самой программе Национального Фронта антисемитизма вы не найдете — ни слова о евреях вообще. Его дочь Марин Ле Пен, после того как возглавила Национальный Фронт, заявила, что не согласна со всем,

что говорил ее отец о евреях, что она хочет поехать в Израиль, что евреи — друзья. Марин Ле Пен более осторожна: никаких провокаций, никаких расистских высказываний, особенно от имени Национального Фронта. В самом Нацио-

1. С начала 1990-х годов националисты отбирают у левых районы, традиционно поддерживающие социалистов – Север и Юг. В 1993 году на выборах в парламент у FN было 12,5% голосов. В 1995 году на президентских Ле Пен приходит третьим – 15,15%. 1995 год стал вехой в истории партии: Фронту впервые удалось привести своих кандидатов в мэров таких крупных городов, как Тулон, Оранж и Витроль. Муниципальная политика Фронта быстро разочаровала избирателей: как правило, мэры-националисты следовали либеральным рецептам.

2. В 1987 году Ле Пен сморозил, что “газовые камеры являются всего лишь незначительной деталью Второй мировой”, за что был подвергнут штрафу в 1,2 млн франков.

нальном Фронте она провела показательные “чистки рядов”, в результате самые одержимые люди покинули его. В итоге общество и СМИ говорят, что Национальный Фронт изменился. Раньше Жан-Мари Ле Пен и Жириновский были друзьями, но теперь Ле Пен больше ориентируется на Путина. И это способ Национального Фронта заявить, что они готовы прийти к власти, что они уже дружат не с оппозиционерами, а с властью. Поэтому сейчас общество не верит, что Национальный Фронт — зло, с его стороны нет действий, подкрепляющих этот образ. При этом политическая программа Национального Фронта осталась без изменений, это тот же самый общественный проект. Мы не смогли в нужной мере раскритиковать программу Национального Фронта, чтобы его дискредитировать, поскольку мы в основном протестовали против него в ходе уличных акций. То, что сегодня единственная деятельность Национального Фронта — участие в выборах, это еще хуже для нас, потому что в этом поле мы не работаем. Сегодня у Национального Фронта те же результаты на выборах, что и в 1990-е³, но он не представлен на улицах.

Группы антифашистов сейчас более озабочены появлением новых ультраправых групп, а не Национальным Фронтом, по простой причине: до 2000 года Национальный Фронт был существенной ультраправой силой: электоральной угрозой, общественной угрозой, использовал насилие на улицах (его активисты занимались расистскими нападениями, убийствами). В 1999 году произошел стратегический раскол между Бруно Мегре и Жан-Мари Ле Пенем, и они пошли на выборы отдельно. Ле Пен хотел продолжать действовать вне системы, а Мегре хотел ассимилироваться в системе, чтобы легче было взять власть. Самое странное, что в последующие годы случилось обратное: Мегре с коллегами остался вне системы, а Ле Пен наоборот, в 2002 году вместе с Шираком дошел до второго тура на президентских выборах, набрав 16,86 % голосов⁴. У Ле Пена больше нет разносторонней структуры активистов, не происходят больше большие манифестации дважды в год (остались только пикеты и митинги), нет с их стороны насилия на улицах, нет провокационных заявлений. Все это позволило новым ультраправым группам появиться на свет: возможно, эти группы были незаметны из-за активности Национального Фронта, а возможно, они были внутри него. Это очень большие изменения в течение последних десяти лет.

3. В 1993 году на выборах в парламент у Национального Фронта было 12,5%. В первой половине 2000-х гг. Национальный Фронт по результатам парламентских и муниципальных выборов стал третьей по значимости партией страны. На последних парламентских выборах (2007) партия набрала лишь незначительные 4,3 % голосов, не получив ни одного места в Национальном собрании. На региональных выборах в 2010 году Народный Фронт в целом набрал 9,17 % голосов.

4. Во втором туре он набрал 17,79 % голосов, проиграв Жаку Шираку, который имел довольно низкий рейтинг и, набрав в первом туре лишь 20 %, получил 82 % голосов во втором. Перед вторым туром левые партии призвали своих сторонников голосовать за Ширака под лозунгами: “За вора, но не за фашиста” и “Голосуй с прищепкой на носу”.

Еще очень важно обратить внимание, что в социальной, экономической, политической программе Национального Фронта есть национальные предпочтения: в первую очередь все для коренных французов. Мы с нашей стороны критикуем такую программу “лепенизации мозгов”. Но сейчас эта идея стала приемлемой для значительной части общества. Когда Саркози в 2007 году пришел к власти, это было основным пунктом его программы: он набрал много голосов благодаря тому, что такая идея теперь не вызывает возмущения в обществе. Арабы или французы арабского происхождения, которые живут во Франции, для Национального Фронта — символ угрозы для Франции. Сначала Национальный Фронт был первым, кто использовал антиисламские высказывания. Но, когда Саркози пришел к власти, он начал активно использовать антиарабские, антисуннитские настроения. Во Франции действует “закон земли”: если ты родился во Франции — ты француз. Национальный Фронт на протяжении своей истории хотел уничтожить это французское понятие гражданина: неважно, откуда ты, главное, что ты участвуешь в жизни государства. Это понятие — завоевание французской революции. А для ультраправых главное — корни, что большинство французов не понимают. Все-таки Франция — многонациональное государство, и жители Франции привыкли видеть людей разных национальностей. Для большинства французов нет такого вопроса: ты — француз или нет. Но это, конечно, может измениться.

Расскажите о сотрудничестве, солидарности с мигрантами и “нелегалами”. Есть ли проблемы во взаимодействии, основанные на религиозных, культурных различиях?

Работая в направлении солидарности с мигрантами, мы не успеваем за государством, активно принимающим законы, ограничивающие права мигрантов. Наши требования остаются теми же: легализация мигрантов, доступ к образованию, медицине.

Мигранты самоорганизованы, но изолированы от общества. В этом году была создана образовательная сеть: многие активисты ходят по домам и обучают детей мигрантов и иностранцев, помогают им в успешном освоении школьной программы. Это гуманитарная, не политическая инициатива — и потому успешная. Активисты получают информацию через своих детей, которые могут рассказать, кто ходит в школу, а кто — нет, к кому приходит полиция или что говорит преподаватель. Сеть очень хорошо работает. Но те иностранцы, у кого нет детей, остаются неохваченными. Полиция не принимает никаких мер к детям мигрантов или “нелегалов”, но проблема в том, что французы необязательно против того, чтобы трогали родителей этих детей. Нам такая точка зрения не нравится. Детей легче защищать, но нам все равно, за кого бороться — за ребенка или за взрослого, мы принципиально против, чтобы полиция выделяла иностранцев и как-то репрессировала их.

Во Франции существует большое и хорошо самоорганизованное движение “Sans papiers” (“Без документов”). Вначале это были отдельные инициативы борьбы за права мигрантов, права “нелегалов”, потом сами эти люди стали значительной общественной силой, а затем и традиционные политические структуры начали осваивать эти вопросы. Коллектив “Sans papiers” теперь сотрудничает с очень радикальными антифашистскими инициативами для организации совместных акций. Еще 20 лет назад мы начинали нашу совместную борьбу с сотрудничества против закона “двойного наказания” — заключения в тюрьму с последующей депортацией и запретом въезда. Тогда мы приходили поддержать их на акциях, а теперь они поддерживают нас в борьбе с ультраправыми. Они участвуют в антифашистских демонстрациях, несмотря на риск быть задержанными полицией (у многих из них нет документов) и зная, что может быть конфронтация. В общем, за долгие годы сотрудничества укрепилась солидарность между антифашистами и маргинальными группами мигрантов.

Иногда возникают трудности в общении, но они непринципиальны и не мешают нам взаимодействовать по двум причинам. Во-первых, в большинстве своем — это общинные люди, коллективисты, и они уважительно относятся к другим сообществам людей. Такая коллективная организация типична для мест, из которых они прибыли. Для некоторых африканцев — это структура села, для других — города, третьих — семьи. Но во время активных действий “нелегалы” стараются не закрываться в своей общине. Часто они приходят на собрания от конкретной общины, но на акциях они никогда не говорят о проблемах своего узкого этнического круга, поднимая общие для всех проблемы. К тому же это люди из бывших французских колоний, и они знакомы с понятиями французского права. Поэтому речь об их правах также включает в себя и разговор о правах французов. Они ощущают себя французами. Мы никогда не слышали от них: “у вас есть документы, поэтому вы не можете искренне интересоваться нашими проблемами”. К тому же у них поощряется общинность и взаимодействие, но у них есть некоторая осторожность во взаимодействии с устоявшимися структурами, потому что они боятся, что их используют. Во-вторых, антифашистские группы во Франции всегда понимали, что есть неразрывная связь между борьбой с ультраправыми и борьбой за права мигрантов. Не существует антифашистов, которые занимаются только противодействием ультраправым или только проблемами мигрантов. Такого разделения нет по простой причине: по сравнению с другими странами, во Франции физической агрессии со стороны ультраправых немного.

Относительно религиозных предпочтений: мигранты стараются, чтобы их движение оставалось светским и религия не выходила бы на первый план. Это связано с тем, что Франция — светское государство. Только ультраправые активно развивают мысль, что мигранты, чтобы защитить свои права, могут

организоваться именно вокруг религиозного проекта, но на самом деле это не так. Во Франции нет ни одной мусульманской организации. Когда-то Саркози попытался создать такую организацию — Французский совет мусульманской веры (Conseil français du culte musulman, CFCM). Но основная масса мусульман вообще ею не заинтересовалась. Французские эмигранты в большинстве своем прошли французскую школу: они по 20-40 лет живут во Франции уже во втором или третьем поколении, они говорят на французском. Поэтому лозунг “Франция для французов” способны озвучить только ультраправые, в отличие, например от России, где “Россия для русских” нормально воспринимается широкими слоями общества.

Есть ли у французских антифашистов общая стратегия?

Основная наша деятельность сегодня — антифашистская повестка, отстаивание прав мигрантов, борьба с репрессивной государственной политикой. Долгое время это были три основные темы политической активности любых низовых инициатив, которые не участвуют в выборах, но добиваются изменений, мобилизуя людей на манифестации, акции с большим резонансом в СМИ.

Наша группа идентифицирует себя как либертарная, и нам интересно сотрудничать с либертарными организациями. Наши идеалы — свобода, равенство, братство, недопустимость авторитарности, национализма, и это должно быть не только на словах, но и на практике в повседневной жизни. Мы не

считаем, что должен существовать только один всеохватывающий политический проект, способный решить все вопросы. Надо создавать возможности действий там, где мы можем существовать свободно и солидарно — в первую очередь там, где мы занимаемся политикой. Поэтому мы и не участвуем в выборах — это не соответствует нашим ценностям. Внутри нашей группы все построено на тех же самых принципах: у нас нет лидеров, работает прямая демократия. Те же отношения между нами существуют и при организации манифестаций, различных действий: все должно работать демократично, свободно, бесплатно, автономно от политиканствующих групп. Должны быть конкретные практические действия пусть в маленьких масштабах, длящиеся хотя бы три дня, неделю, месяц, — так мы демонстрируем наш проект на практике. Нам интересно сотрудничать с людьми, которые по-другому видят политику, — например, с профсоюзами, если они более или менее неавторитарные, более или менее демократические. Мы считаем, что должна существовать динамика взаимообмена между группами. Нашей целью изначально было создать из разрозненных групп и инициатив большое движение.

Сегодня единственное, что мы можем делать совместно, — кампании солидарности, в том числе поддержка российских антифашистов. Во Франции не так уж много антифашистских групп (около десятка), которые сами себя так идентифицируют, и они организованы по региональному признаку. В политических структурах, в организациях левого толка все люди — по умолчанию антифашисты, и в каждой организации всегда есть люди, которые работают по ультраправой проблематике. Эти организации могут участвовать в антифашистских акциях, манифестациях, но антифашизм — не в центре

их интересов. Мы отличаемся как раз тем, что наша группа идентифицирует себя в первую очередь как антифашистская. Перечислим организации, которые участвуют в организации крупнейших антифашистских демонстраций: CNT (Confédération nationale du travail — профсоюзы), NPA (Nouveau Parti anticapitaliste — троцкисты). Наша цель — чтобы появилось новое антифашистское движение, автономное от политических движений.

Несколько слов о кампании солидарности с российскими антифашистами. Как вы оцениваете ее итоги, была ли она успешной для французских антифашистов?

Когда в 2008 году мы начали во Франции информационную кампанию против убийств антифашистов в России, мы хотели через поддержку российских антифашистов поднять вопрос о большем сотрудничестве между различными французскими антифашистскими группами, о международной солидарности, наладить связи между антифашистами в России и во Франции. Но мы не до конца достигли нашей цели. Вначале совместные акции солидарности во Франции проходили с интересом, но в какой-то момент мы поняли, что превращаемся в специалистов по антифашизму в России, потому что нас стали звать на различные встречи, только если в повестке был “русский вопрос”. В этом нет особого смысла, но мы теперь можем организовать поддержку российских активистов, и теперь специфический российский антифашизм воспринимается нормально. Впрочем, нам кажется важным ездить друг к другу во Францию и в Россию, пытаться понять тенденции в ультраправом движении и думать о стратегии своих антифашистских групп.

Поясните, в чем для вас специфика российского антифашизма?

Лозунги, которые звучали из уст антифашистов в Москве во время кампании летом 2010 года против вырубки леса в Химках под платную автостраду про “русский” лес: “Защитим русский лес”, “Спаси русский лес”, “Остановим вырубку русского леса!”, нас шокировали. Мы понимаем, что это – и популизм, и привлечение внимания к проблеме разрушительного для местных жителей транснационального капитала в виде французской Vinci. Но такое выражение патриотизма — недопустимо для французских антифашистов. Во Франции наоборот: если критикуешь излишний патриотизм, франкофонию – это хорошо. С другой стороны, к сожалению, многие эоактивисты во Франции хотели продолжать поддерживать именно экологическую тему без примеси антифашизма, потому что против французской транснациональной корпорации Vinci, которая софинансирует строительство дороги в Подмосковье, также идут протесты и во Франции, где она строит аэропорт. Экологи хотели бы решить именно эти проблемы, и им возникновение в этой связи еще и ради-

кального антифашизма не нужно. Хотя, на наш взгляд, как раз и необходимо как можно сильнее на всех уровнях солидаризоваться против транснациональной корпорации, которая к тому же через посредников привлекает неонацистов для разгона экологического лагеря. Но мы для себя решили больше в этой теме не участвовать. Мы бы не хотели думать и решать, что и как вам делать в России, но ситуация в России, на наш взгляд, подобна французской.

Возвращаясь к французской ситуации, в последнее время у нас появляются общие акции, демонстрации, в которых участвуют антифашисты из разных городов. Активисты хотят вести совместную деятельность, но не хотят входить в организацию, которая уже есть, а оставаться автономными. Мы согласны с этим, но желательнее объединение групп в федерацию, чтобы было поступательное движение вперед. В Париже всегда труднее, чем в других городах, организовать манифестацию с участием широкой коалиции, где были бы не только анархисты и либертарные антифашисты. Зато в любом другом городе легче и лучше организовать большую акцию, потому что активисты из других маленьких городов перемещаются, чтобы поучаствовать в ней, и группа того города получает большую известность, опыт, что важно для ее развития. С 2003 года в Париже была только одна манифестация численностью 800 человек, а в мае в Лилле в первый раз было 5 000 человек.

Никто не знает, что будет с движением через полгода — особых перспектив нет, потому что общественные протесты вообще перестали влиять на политику государства. Люди растеряны, не понимают, как действовать. Выход миллиона демонстрантов на улицу, сотни мероприятий в неделю — не помогают, поэтому у многих возникает мысль: может, лучше вообще сломать всю систему? При этом понятно, что радикальные движения во Франции почти всегда были маргинальными и как основа движения насилие — не решение. Это не тот метод, который меняет мышление людей, наоборот: государство использует этот метод против нас и хочет нас вынудить использовать его. Но надо учитывать, что государство в любом случае сильнее в практическом использовании насилия и нас легко нейтрализует. Если завтра все активисты начнут городскую герилью — государство останется, а этих активистов не будет.

Есть и несколько другая точка зрения: социального насилия настолько много, что все начнется именно с “проблемных”, бедных районов — пригородов. И в тот день, когда насилие из бедных кварталов встретится с насилием государства, — тогда начнется революция. Когда были беспорядки в пригородах Парижа — а мы видели, что в этом есть политический элемент, — беспорядки обнажили социальные проблемы, подняли вопросы, заставили общество задуматься, но ничего конкретного не предложили, потому что они не могут стать политическим решением проблемы.

Киргизия. Ош. Геноцид

События, о которых пойдет речь дальше, происходили на юге Кыргызстана летом 2010 года. Международное сообщество до сих пор не дало им однозначной оценки. Однако жертвы этих событий — киргизские узбеки — называют случившееся нацистским геноцидом. Точных данных о погибших тоже нет, да и, скорее всего, не будет (разные источники называют цифры от 600 до 2000 убитых). Количество же беженцев и общий размах гуманитарной катастрофы, произошедшей совсем недалеко от границ России, до сих пор не были оценены.

Один из очевидцев событий рассказывает о том, свидетелем чего он стал в те дни:

“Ош — второй по величине город страны после Бишкека. Его население вместе с пригородами насчитывало до 500 тыс. человек. Большинство жителей — узбеки, по соседству жили и киргизы, и русские. В городе работало несколько узбекских телеканалов — “Мезон ТВ”, “Ош ТВ”, освещавших политическую жизнь.

Погромы и столкновения начались 10 июля 2010 года. До этого, 7 апреля, президент Курманбек Бакиев был свергнут после народных демонстраций. Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой приняло всю власть. Но противостояние обострялось: свергнутый президент и его родственники не хотели отдавать свою власть и четыре раза устраивали массовые беспорядки, повлекшие гибель людей. 10 июля волна насилия охватила города Ош и Джалал-абад и разлилась по всем кварталам. Власти ничего не делали, чтобы остановить кровопролитие и даже наоборот — потворствовали приехавшим в города киргизам в убийствах и ограблении узбеков. Под прикрытием армейских БТРов мародеры врываются в дома, грабят и убивают людей.

К этому моменту вся аппаратура и сами офисы телеканалов, транслировавших новости из Оша, были уничтожены, и город на какое-то время оказался в информационной блокаде — просто некому и нечем было снимать все то, что творилось вокруг, — те ужасы, всю ту резню. Но документировать происходящее стало необходимо. Снимать для того, чтобы это осталось в истории. Фотографии и видео размещались в Интернете или передавались в соседние страны, откуда уже их можно было транслировать на весь мир.

В тот первоначальный момент других журналистов, освещавших события, практически не было. Нужно было взять камеру и идти по городу. Из одного квартала в другой. Из одной махаллы в другую. Потом снятое видео использовали “Аль Джазира”, “Вести”, CNN.

Людей в городе не просто убивали — над ними издевались, их резали, сжигали заживо. При этом не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Улицы в одночасье превратились в поле битвы. Горящие дома, раненные и убитые люди, пронсящие танки с солдатами на броне, беспорядочно стреляющими во круг. Толпы вооруженных мародеров и спасающиеся от них жертвы. Все эти картины геноцида, подобно кошмарным призракам, вырисовывались в чадном дыму пожараща целых микрорайонов.

Насилие продолжалось три дня и три ночи, а после беспорядков стали искать виноватых. Пропагандисты сразу выдумали обвинения в “сепаратизме” и “ваххабизме”, чтобы оправдать случившееся в глазах мировой общественности. Виноватыми сделали опять-таки узбеков — людей, вынужденных защищать свои семьи, своих детей и свои дома. Тех, кто строил баррикады, чтобы не подпустить к своим домам танки, тех, кто отбивался от атак мародеров. Теперь эти парни сидят в тюрьмах, многие получили пожизненные сроки. В тюрьмах же оказались и те узбеки, которым подбрасывали наркотики и оружие и кто не смог откупиться от полиции.

400 тысяч беженцев смогли на время укрыться в соседнем Узбекистане, но только на время. Узбекские власти не стали вмешиваться в происходящее, ограничились минимальной помощью и фактически, как, в общем, и все прочие страны, бросили узбеков на произвол судьбы. Через некоторое время власти Узбекистана обманом вывезли всех беженцев обратно в Киргизию на специально пригнанных для этого автобусах. И люди остались посередине между адом и адом.

Националистически настроенные киргизы заняли дома бежавших от резни узбеков. Вернуть дома их владельцам стало возможно только после вмешательства международной комиссии ОБСЕ. Возможно, все это входило в планы

организаторов и пособников погромов. Выгнать узбеков и занять их дома — сделать это гораздо проще, чем развивать экономику нищей страны и решать социальные проблемы. Проще отвлечь внимание народа от его собственных бед, разжечь межнациональную ненависть и пробиться любой ценой к власти. Цена этих политических игр — жизни людей.

Сейчас, год спустя после этих событий, обстановка в стране продолжает быть напряженной. Заключение по сфабрикованным делам не могут открыто защищаться. Националистической настройкой государства и власти не дают работать правозащитникам и гуманитарным организациям. Эмигрировавшие лидеры узбекской общины заочно приговорены судами к пожизненному заключению по обвинению в сепаратизме, при том, что никаких доказательств их вины не представлено. В то же время реальные виновники произошедшего так и не понесли наказания. Мэр города Ош — Мелисбек Мырзакматов — не только не был привлечен к ответственности, но и сохранил свой пост, как и руководство силовых структур.

За год, прошедший после конфликта, насильственная нацификация общественной жизни и подчинение всей культуры титульной нации привели к закрытию узбекских школ, уничтожению и запрету книг на узбекском и узбекской музыки. А к введению киргизского языка как основного государственного оказались не готовы ни сами киргизы, ни государственные органы, не успевшие перестроить свой документооборот. Кроме того, безнаказанность погромщиков рождает вседозволенность и превращает насилие в норму поведения и взаимоотношений в обществе, демонстрируя подрастающему поколению примеры поведения, которые могут быть реализованы и в дальнейшем.

Но народы жили вместе. И вековые связи не так легко разорвать, как казалось властолюбивым дельцам. Во время конфликта многие киргизы помогали своим соседям-узбекам, спасали их, прятали у себя, рискуя при этом собственной жизнью. И если попросить прощения у узбека, то он простит. Боль останется — важно, чтобы не осталась ненависть...”

Миновал год, но о происходившем в Киргизии все еще известно крайне мало. Несколько документальных видеофильмов, созданных из материалов, снятых очевидцами, никогда не демонстрировались широкой публике, а, между тем, эта беда и ее последствия находятся рядом с нами. Многие люди из Киргизии укрылись от обрушившейся на них войны в России. Они надеялись обрести здесь второй дом, обосноваться и найти работу, найти новых друзей и начать новую жизнь. Но непризнанные беженцы встретили множество препятствий: безучастность к своей беде, трудности с получением официального статуса, неприязненное отношение. А ведь в наших силах помочь этим людям, пережившим незаметную для мира войну.

Плач любви

Являюсь в фотографию мужчины средних лет: продолговатый череп, напряженные вены на “профессорской” залысине, зачесанные назад поседевшие волосы, крупные очки в роговой оправе и повязанный на шее платок — я пытаюсь понять, что осталось в этом взрослом человеке от того подростка, который в ранней юности, еще до Второй мировой войны, присоединился к кочующему табору цыган-ловарей и прошел с ними многие дороги Западной Европы и Балкан. Быть может, это та легкая ухмылка, собравшаяся вокруг его губ? Или немного нахмуренные вопросительной дугой брови, возвышающиеся над оправой очков? Ян Йорс, американский художник бельгийского происхождения, фотограф, скульптор и создатель гобеленов, в 12 лет почти что случайным образом отправившийся в путь вместе с цыганским табором, переживший с ним все трудности, сопряженные с кочевой жизнью и жизнью социальных изгоев, взглянувший на мир глазами цыгана и ощутивший на себе осуждающий и презрительный взгляд общества, боровшийся вместе с цыганами против фашистов во время Второй мировой войны и проведенный в застенках Гестапо более года, остается “человеком с тайной”, которую едва ли суждено кому-нибудь разгадать.

Свою удивительную жизнь Йорс описал в двух автобиографических книгах, представляющих собой уникальное “внутреннее” свидетельство о кочевой жизни цыган и об участии самих цыган в антифашистском Сопротивлении во время Второй мировой войны. Книга “Цыгане” (The Gypsies, 1967) рассказывает о первых впечатлениях Йорса о жизни в таборе, ломке сложившихся представлений о цыганах и удивлении реальному положению дел, о годах “двойной” жизни — летом в таборе и зимой в мире обычного бельгийского мальчика, посещающего школу и делающего домашние задания. Книга полна ярких зарисовок быта цыганского табора и погружает читателя в самую гущу цыганского мира 30-х годов XX века.

Вторая книга Йорса “Перекресток” (The Crossing, 1971) вовлекает читателя в трагические события Второй мировой войны. Содержание этой книги приоткрывает завесу не только над все еще довольно плохо исследованной темой геноцида цыган, но и над практически неизвестной темой цыганского Сопротивления.

Первой немецкой бомбардировке табор Йорса подвергся около бельгийско-французской границы в мае 1940 года. Падающие бомбы вызвали у цыган ступор, некоторые женщины плакали и кричали о конце света. Цыгане оказались на дороге среди толп беженцев, спасающихся от наступающей немецкой армии. К новой ситуации цыгане оказались приспособлены лучше, чем основное население: наличие только самых необходимых для жизни в дороге вещей делало их передвижения более быстрыми, а опыт кочевой жизни помогал найти более удачное место для стоянки. Постепенно жизнь приобрела размеренность, и война стала лишь новым условием существования. Хотя непосредственных атак на табор не было, цыгане знали, что в других странах фашисты уничтожают цыган наравне с евреями, и не питали особых иллюзий относительно своего будущего. Те, кто смогли, уехали на американские континенты. Табору Йорса это сделать не удалось.

Начало войны совпало с намерением приемного отца Йорса — цыгана Пулики — женить Яна на цыганской девушке. Но Йорс все же решил отправиться в Испанию с целью присоединиться к английским войскам и в их рядах сражаться против фашизма. По дороге он на некоторое время остановился у знакомых в женском монастыре в Париже, где в один из вечеров в его комнате появился сотрудник британских служб с предложением стать посредником между цыганами и участниками Сопrotивления. Постоянная борьба за жизнь и вытекающие из нее умения делали цыган ценными помощниками.

Йорс вернулся к цыганам и передал Пулике, главе табора, предложение о сотрудничестве с Сопrotивлением. Рассказ о том разговоре наполнен лирическими размышлениями о смерти и жизни, идеологических страстях и умении жить: “Героизм — это остаться в живых при столкновении с опасностью лицом к лицу; героизм — это смелость любить”. Пулика предлагает установить более прочную связь с участниками Сопrotивления и обещает для обсуждения вопроса об участии цыган в борьбе с немцами созвать крис — собрание цыганских старейшин, выполняющее функции суда.

Большое количество цыган в одном месте могло вызвать подозрение у немцев, поэтому заранее был пущен слух о том, что цыгане съезжаются на похороны известного и уважаемого цыгана по имени Бэнгеэско Нямцо (“чертов немец” по-цыгански). На крисе мнения относительно участия в войне разделились: одна часть цыган предложила бороться за свою жизнь, так как нет смысла ждать, “когда солнце встретится с луной”, нужно действовать сейчас. Другая часть предложила прятаться и укрываться, так как “быстро ловят того зайца, у которого только одна нора”. Крис закончился без конкретного решения, но прецедент был создан, и с течением времени сеть контактов между цыганами и Сопrotивлением только разрасталась. Практически все без исключения цыгане были вовлечены в антифашистскую деятельность. Скрываясь в лесах от немцев, цыгане встречали людей, организовавших партизанские

отряды. Цыгане начали нелегально транспортировать людей и необходимые для них вещи, часто цыганские дети и женщины уходили в лес “собирать травы”, сообщая партизанам важные новости и передавая им сведения о друг друге. Часть цыган была обучена работе со взрывчаткой, а позже они сами становились инструкторами. Их небольшая организация совершала подрывы на огромной территории земель, оккупированных Германией, за исключением, пожалуй, лишь части СССР. Другая сфера участия цыган в движении Сопротивления — это добывание продуктовых карточек для тех, кто работал в подполье. Не без сомнения зарегистрировались цыгане в первый раз, но после получения продовольственных карточек поняли, как можно извлечь из ситуации выгоду: они продолжили регистрироваться в других регионах по поддельным документам, принадлежащим другим государствам. Часть продовольственных карточек отдавалась партизанам.

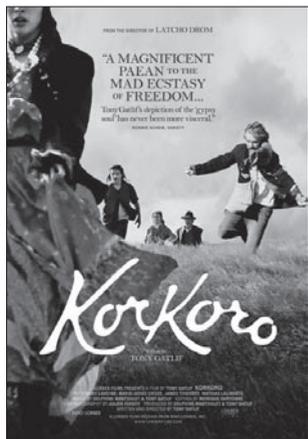
После одного из рейдов по сбору рационных карточек произошло неизбежное — немцы арестовали Йорса. Тюрьма, жестокость и пытки, до этого лишь снившиеся ему в кошмарных снах, вдруг стали реальностью. О пребывании в заточении Йорс пишет с пульсирующей болью. Многими годами позже, незадолго до смерти, он скажет в одном из интервью, что какое-то время после тюрьмы он был действительно безумен: “Я чувствовал полное отчаяние. Но если отчаяние может быть настолько глубоким, то и счастье может достигать невиданных высот”.

Йорс вышел из заточения по счастливой ошибке: возможно, были просто перепутаны дела, настоящая причина так и осталась неизвестной. Однако долгожданной встречи со своей цыганской семьей не произошло — практически все родственники были арестованы или убиты. Сложное чувство вины за то, что Йорс выжил в каком-то смысле ценой их жизни, не давало ему покоя еще долгое время. Еще сложнее было принять внутреннюю радость от осознания того, что он все-таки жив.

Спустя некоторое время после войны Йорс уехал в Америку, как он сам признавался потом, чтобы “быть как можно дальше от немцев”. Он стал успешным гобеленистом и скульптором. Но его “цыганская” часть никуда не исчезла — она проявлялась и в его путешествиях в Европу в поисках выживших цыган, и в потребности поделиться памятью о своих собратьях. Его мемуарам, исполненным радостью и болью, страданием и любовью, предпослано следующее вступление:

“Эта книга написана как протест против забвения, как плач любви по расе чужаков, живших среди нас на протяжении веков и оставшихся в стороне от нас”.

СВОБОДА САМА ПО СЕБЕ

Ключая проволока ограды концлагеря, дрожащая, будто гитарные струны под рукой виртуоза; карманные часы с еврейскими цифрами, отсчитывающие, быть может, последние секунды чьей-то жизни; застывшие словно для фотографии фигуры цыган при входе в лагерные бараки — история этнических преследований времен Второй мировой войны рассказывается ненавязчиво, как будто автор — простой наблюдатель жизни своих героев. Так французский режиссер Тони Гатлиф в своем последнем фильме “Сам по себе” (Korkoro, 2009) подошел к давно волновавшей его теме геноцида цыган в середине XX века.

Тони Гатлифа многие считают основоположником цыганского кинематографа. Так называемая “цыганская” трилогия — фильмы “Цыганские бароны” (Les princes, 1983), “Добрый путь” (Latcho drom, 1993) и “Странный чужак” (Gadjo dilo, 1997) — прочно закрепили за Гатлифом репутацию цыганского режиссера. И действительно, тема цыган тем или иным образом возникает практически во всех его фильмах. Идея создать документальный фильм о преследовании цыган фашистами во время Второй мировой войны возникла у режиссера уже давно. Изучив имеющуюся информацию, Гатлиф изменил первоначальное намерение снять документальный фильм: режиссер соединил несколько реальных и полуполюгендарных историй, ставших в результате основой для сценария фильма художественного. Гатлиф воспользовался историей, рассказанной французским историком Жаком Сиго, о цыганском таборе, который был почти спасен от отправки в лагерь смерти благодаря одному французскому адвокату. История гласит, что адвокат продал цыганам свой дом за один франк, тем самым цыгане, теперь уже собственники дома и не кочевники, имели право свободно проживать на законно принадлежавшей им территории. Однако цыгане побоялись там остаться, и табор отправился дальше. В дороге всех цыган арестовали и отправили в концентрационный лагерь в Освенциме. Другая история, ставшая частью фильма, — это биография учительницы Ивет Ленди, арестованной нацистами за подделку документов для цыган. Из этих двух исторических фактов и вырастает сюжет фильма.

Франция, 1943 год. Табор цыган-кэлдэрарей прибывает в небольшой французский городок. По дороге к ним прибивается осиротевший французский мальчик, которого цыгане называют Чероро — “бедняжка”. Новый закон запрещает кочевье — его нарушителям грозит арест. Цыгане вынуждены оставаться на одном месте — им помогают мэр Теодор Розье и учительница мадмуазель Ленди. Однако в какой-то момент цыган не оказывается в таборе — их задержали оккупационные власти, и лишь догорающий костер напоминает о недавнем присутствии людей. Мэр заочно продает цыганам свой старый дом за 10 франков — теперь они могут выйти на свободу и жить в новоприобретенной собственности. С неохотой цыгане все-таки переселяются в дом, однако арест учительницы и мэра их пугает настолько, что они решают уехать из городка. По дороге спокойствие спящего табора нарушают жандармы: проверка документов выявляет отсутствие виз в паспортах. Теперь у цыган нет защитника, и все члены табора, в том числе Чероро, отправляются в дальнюю дорогу — только уже не в кибитках, а в жандармской машине.

Цыгане в фильме “Сам по себе” не только талантливые музыканты, но и кузнецы, знатоки лошадей и медицины. Режиссер старается уйти от стереотипов: он пытается взглянуть на окружающий мир глазами цыган — будь то мир “магических” букв, написанных мелом на школьной доске, или неясное назначение измышлений внешнего мира — печатей, домов или войн. В фильме цыгане, с одной стороны, боятся призраков и мертвецов, мерещащимся им в подвале старого дома, с другой, презрев грозящие им опасности, отправляются в путь, лишь бы не стоять на одном месте. Тяга к свободе (“Свобода” — так название фильма переведено на основные европейские языки), по мнению режиссера, становится определяющим фактором как в поведении цыган, так и в самом устройстве мира и природы. Именно поэтому Талош, ключевой персонаж фильма, пытается перебраться через ограду концлагеря — перелететь “как дикий гусь”, но цепляется за “шипы”. В другой сцене он пытается “освободить” воду от заключения в трубах дома, открывая краны в ванной и спуская воду по лестнице дома наружу.

Для режиссера фильма чрезвычайно важно, что проблемы, затронутые в фильме, остаются актуальными и в наши дни. Прошли дни физического истребления цыган главами государств, но антицыганские настроения в обществе и политических кругах никуда не исчезли. В фильме жители деревни пытаются отгородиться от цыган и строят забор, показывающий границу земли, на которую цыгане не имеют права ступать. Фильм побуждает зрителей задаться вопросом: а не в таком ли обществе живем и мы? Обществе, где границы и злоба мешают естественному течению жизни. Жизни самой по себе.

РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ “АКАДЕМИЯ СМЕРТИ”

Существует целый набор причин, по которым необходимо регулярно просматривать и брать на заметку художественные фильмы с антифашистским содержанием. Фильмы, которые можно использовать в антифашистской работе с подростками и молодежью, должны быть, очевидно, разоблачительными — и для тех, кто стоит на твердых позициях толерантного мировосприятия, и для тех, кто в той или иной мере сочувствует возрождению коричневой идеи.

Именно таков фильм режиссера Денниса Ганзеля “Академия смерти” (2004), показанный по одному из наших каналов, как и многие хорошие фильмы, очень поздно ночью, когда его потенциальная аудитория уже спала. Фильм немецкого производства. Режиссер немец, актеры тоже немцы. И это уже мотив. Для наших российских несовершеннолетних, на мой взгляд, принципиально важно, что про фашистов делают фильмы не россияне и не американцы, а немцы про немцев (“свои” про “своих”). В какой-то степени кинематограф пресыщен фильмами “про фашистов”, созданными за пределами Германии, а пресыщение снижает остроту восприятия.

В фильме “Академия смерти” показан 1942 год, когда еще никто не знал, чем закончится история 3-го рейха. Сюжет, так сказать, “в яблочко”. Парнишка из простой немецкой семьи, гитлерюгенд, очень хороший боксер, по протекции своего старшего друга и кумира — младшего офицерского чина — поступает в самую престижную, элитную военную академию (что-то среднее между нашим кадетским корпусом и высшим военным училищем). Поступает против воли отца. Уже странно! Уже нетипично! Оказывается, были и такие немцы, которые категорически не разделяли идеи фашизма. Это для детей-зрителей может быть открытием.

Воспитание “настоящего арийца” идет своим чередом, Мальчика учат быть жестоким и безжалостным — к своей и чужой слабости. Например, как перспективному боксеру, ему внушают идею, что на ринге соперника нужно добивать до полной потери сознания. И он — хороший ученик, тренирующий в себе жестокость.

Но вот первое противоречие. Один курсант страдает ночным энурезом. Командир взвода, настоящий подонок, шантажирует несчастного. Каждое его “мокрое” утро требует 20 марок (по тем временам — большая сумма денег) за то, что не сообщит об этом физику — законченному садисту. Если денег не найдется, то о проблеме узнаёт этот “педагог”. А узнав, публично унижает. Например, заставляет в присутствии всего взвода снимать штаны и мочиться на свой матрац. А затем с мокрым матрацем заставляет стоять весь вечер, при этом всячески оскорбляет, а от других курсантов требует воспитывать в себе чувство омерзения к подростку-энуретику. Что чувствуют зрители — ровесни-

ки героев фильма? Мы должны помнить, что по статистике у 12% мальчиков отмечается энурез, который может сохраняться вплоть до совершеннолетия. Для них это очень травматично, поэтому они могут автоматически перенести страдания юного фашиста-энуретика на себя и посочувствовать ему.

У главного героя-боксера появляется друг, да еще какой: сын самого гаулейтера, главного куратора этого военного заведения. И снова “но”. Сын совсем не похож на отца. Он даже не типичный гитлерюнд. И даже — противник фашизма. Очень человечный мальчик. Он разрушает, в прямом смысле, веру нашего боксера в идеалы фашизма. Своего родного сына гаулейтер считает слабаком и втайне от партайгеноссе его стыдится — такая “контрастная” ситуация тоже знакома многим подросткам, и зрители фильма опять сочувствуют сверстнику — герою фильма.

Как-то наш герой был приглашен этим мальчиком в свой дом-замок на день рождения влиятельного папы. Папа с друзьями-офицерами напился в хлам. Пьяный папа заставил сына с другом устроить бокс — поединок умелого боксера со своим “слабым” сыном. Оба юношей против драки. Отец в злобе настаивает. В результате сын оказался в глубоком нокауте. Отец счастлив, поздравляет победителя. Вот так любящий папа!

Как-то ночью гаулейтер поднимает всех курсантов по тревоге: из товарного состава сбежала группа русских военнопленных. Гаулейтер просит курсантов помочь в их поимке, Предупреждает: русские опасны — завладели оружием, убив конвоиров поезда. Взвод курсантов встречается в кромешной тьме в лесу со “страшными русскими”, преследуют их и расстреливают. Потом выяснилось, что они расстреляли безоружную группу таких же, как они, мальчишек. Все потрясены. Один из группы русских подростков еще был жив. У него глубокая рана. В отчаянии к нему на помощь бросается сын гаулейтера и пытается остановить кровь. Его застает отец. Отец в гневе. Он добивает русского мальчика и планирует грозное наказание сыну.

На следующий день у взвода экстремальная тренировка на выносливость. Физрук заставляет курсантов по очереди раздеваться и проплывать 10 метров, ныряя в одну прорубь и выныривая из другой. Подо льдом натянута веревка, Когда очередь доходит до сына гаулейтера, он на середине дистанции принимает волевое решение, отпускает веревку и уходит ко дну. Это очень сильная сцена. Наш герой-боксер в отчаянии умоляет друга через ледовую завесу не делать этого. Но тщетно. Последней каплей, взорвавшей пошатнувшуюся веру подростка в идеалы фашизма, стал отказ гаулейтера опубликовать некролог по погибшему сыну. Полностью разочаровавшись в фашизме, мальчик намеренно проигрывает боксерский поединок, его выгоняют из академии, он возвращается домой.

Таков этот фильм — глубокий, самобытный, созданный в Германии. Фильм, отчетливо направленный на дискредитацию основ фашизма.

АНТИТЕЛА КАК НАДЕЖДА НА АНТИФАШИСТСКИЙ ИММУНИТЕТ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

“Антитела”. Так называется второй спектакль проекта “Петербургская документальная сцена”, который был запущен в октябре 2011 года и продолжается до сих пор на малой сцене Театра-фестиваля “Балтийский дом”. Главная идея этого проекта – силами молодых петербургских актеров и режиссеров инициировать (или реанимировать?) диалог между современным театром и обществом. И сделать это на материале самых актуальных событий в жизни российского общества, которые, по замыслу служителей Мельпомены, не могут не находить отклика в сердцах наших сограждан. Отправной точкой спектакля «Антитела» послужила трагедия убийства 13 ноября 2005 года Тимура Качаравы — активного участника антифашистского движения, одного из организаторов акций по раздаче бесплатной еды нуждающимся «Еда вместо бомб», студента философского факультета СПбГУ. Спектакль необычен и интересен в разных аспектах — новаторства, творческой энергии, эстетики и психологии восприятия искусства. Захватывающее действие идет 1 час 40 минут без антракта. По окончании спектакля, что важно, артисты не выходят на поклон, а сразу начинается реальное живое обсуждение всего услышанного и увиденного. Участники обсуждения — просто зрители, театральные критики и профессиональные артисты, активно социально вовлеченные люди (правозащитники, представители общественных организаций и движений), профессионалы от «человековедческих» цехов (педагогического, юридического, психологического). Естественно, среди зрителей в первую очередь молодежь. Авторы спектакля в обсуждениях предлагают ответить на непростые вопросы: стоит ли любая идея человеческой жизни? В чем корни насилия? Почему наше общество становится все более агрессивным и в то же время безразличным? Спектакль я смотрел дважды, и оба раза видел, что никто из зрителей не остался равнодушным.

Антитела — это ключевое слово из реплики одного из героев спектакля, под которым он подразумевал защитные процессы, образующиеся в больном обществе. К сожалению, защитные процессы бывают не только здоровые и полезные, но и патологические и опасные.

Конечно, спектакль рассчитан на широкую аудиторию, и хотелось бы надеяться, что на преимущественно здоровую и антифашистски настроенную. Но кто среди зрителей может быть наиболее перспективными носителями идеалов человеколюбия и гарантами противодействия кошмарным идеям реани-

мации фашизма? Это — наши дети. 9 января 2012 года старшекласников на этом крайне актуальном для их социального развития спектакле было всего несколько человек. Тем не менее — они были. И активно дискутировали, отстаивая свои взгляды и гражданскую позицию. Поэтому теперь я по праву передаю слово одному из этих небезразличных к человеческим страданиям подростков.

Когда мне предложили пойти на этот спектакль, я совершенно не представлял, что меня там ждет. Но спектакль оказался поразительным. Он очень эффектный, энергичный и эмоциональный. Зрители ни на минуту не расслабляются, в зале царит высшее напряжение. В режиссуре много интересного: например, актеры сами все время снимают друг друга на камеру, а отснятые кадры потом транслируют на специальных щитах на сцене. Очень большое впечатление производит разговор двух матерей — антифашиста и его убийцы.

После спектакля была дискуссия, на которую осталась примерно половина зрителей и где каждый мог высказать свои впечатления. Здесь встретились представители тех самых «Антител», о которых шла речь в спектакле. В зале были и фашисты, и антифашисты, и даже милиционер. Большинство зрителей глубоко потряс этот спектакль, и они единодушно согласились, что его нужно продолжать показывать. Я с этим полностью согласен.

Я считаю, что этот спектакль очень важно показывать подросткам и их родителям, так как именно в подростковом возрасте люди обычно впадают в одну из крайностей. И этот спектакль может оказать на них сильное влияние. Так же, как и на их родителей: ведь очень важно вовремя понять, когда поведение их ребенка переходит за границы элементарных человеческих прав на жизнь, на неприкосновенность.

И этот спектакль показывает нам, как, впрочем, и всё в жизни, что фашизм всегда несет разрушение и горе всем окружающим, — как, впрочем, и самим фашистам.

Поэтому очень жаль, что пришло так мало молодых людей. В основном приходят люди, которым все это известно и они просто приходят посмотреть красивую игру и набраться впечатлений. Прямо как в обычный театр. Хорошо бы, если приходило бы больше подростков с родителями.

Лично я больше понимаю антифашистов, но советую каждому из подростков сперва посмотреть этот спектакль и хорошенько подумать, прежде чем приступать к решительным действиям.

16 ноября 2011 года, по иронии судьбы — в Международный день толерантности, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга приняло в первом чтении проект закона о “запрете пропаганды мужеложства, лесбиянства, бисексуализма и трансгендерности”. Дальнейшее рассмотрение законопроекта было отложено — в том числе из-за протестных акций ЛГБТ-активистов, российских и международных правозащитных организаций, которые напомнили законодателям, что предлагаемый проект не только способствует дискриминации довольно значительной группы людей, но и не соответствует нормам российского и международного законодательства.

В то же время, законопроект получил одобрение спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко, которая предложила вынести его на федеральный уровень. Инициативу подхватил вице-премьер Дмитрий Козак: на пресс-конференции 2 декабря 2011 года в Санкт-Петербурге он отметил, что пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений — “это омерзительное занятие” и призвал “подумать над этой темой на федеральном уровне”. Губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко поддержал Козака, отметив, что, если закон будет принят “он будет служить на пользу общественной морали” (lenta.ru, ссылки по “Интерфакс”). Впоследствии пресс-служба Д.Козака опровергла эту информацию, указав, что его негативная оценка касалась только пропаганды педофилии, тоже упомянутой в законопроекте. В любом случае, всплеск “законодательной гомофобии” под предлогом борьбы за общественную нравственность настораживает.

Эволюция российской законодательской гомофобии

Началось все еще в далеком 2003 году. Тогда президентом уже был Путин. И был у него первый срок. И был в Государственной Думе депутат Александр Чуев. И было ему тяжело на душе от “пропаганды гомосексуализма”. Никто не знал точно, кто и где его тогда так активно пропагандировал, регулярно раздражая взор благочестивого депутата Чуева. Даже он сам этого точно не знал. Но боялся. А призраки ее, пропаганды, наверное, бродили по немногочисленным гей-клубам. Ведь они же могли быть местом посещения важных персон? А может, в Думе кто-то не давал покоя законодателю со своей настойчивой пропагандой? Одним словом назрело, и понеслась. Весь мир давно использует слово “гомосексуальность”, которое в соответствии с правилами, схожими во всех европейских языках, характеризует некое личностное свойство человека (например, слова с тем же суффиксом: смелость, трусость). Отечественные чиновники всех мастей по наущению идеологически подкованных “неосторонников” теократии, однако, до сих пор застряли в советской эпохе и используют терминологию с уголовно-медицинским уклоном. “Гомосексуализм”, который трактуется, как и многие другие “-измы” в нашем языке, либо как медицинский диагноз (алкоголизм, ботулизм), либо как некая система взглядов, идеология и образ жизни (например, пацифизм, марксизм, фашизм и т.д.). Происходили эти события как раз накануне мартовских выборов-2004, в сентябре 2003 года. Именно тогда наш “герой” внес на рассмотрение законопроект, дополняющий статью 242 Уголовного Кодекса РФ следующей формулировкой: “Пропаганда гомосексуализма, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, в том числе выражающаяся в публичной демонстрации гомосексуального образа жизни и гомосексуальной ориентации, наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет”.

О каких должностях шла речь, было относительно ясно: в проекте закона пояснялось, что речь шла о преподавании, воспитании детей и других подобных занятиях. Однако проект никак не объяснял, что же такое “пропаганда гомосексуализма”, если не считать маленького дополнения: “в том числе выражающаяся в публичной демонстрации гомосексуального образа жизни и гомосексуальной ориентации”. О том, каким образом можно продемонстрировать

гомосексуальный образ жизни и сексуальную ориентацию, приходится серьезно задуматься, чтобы представить себе этот процесс. Для людей советских времен это однозначно трактуется в духе УК РСФСР как секс между мужчинами. Женщин гомосексуальной ориентации УК советского образца обходил в своих статьях, впрочем, как и обыватели в своих предрассудках. То, что гомосексуальность — это не только и не столько однополый секс, до сих пор не все еще знают и понимают. И вот на этом незнании и терминологической многозначности и была основана уловка чужеской статьи.

Что такое “пропаганда” в чистом виде? Это слово с латинско-церковными (!) корнями дословно означает “подлежащая распространению вера”. Толковые словари определяют смысл слова как попытку изменения мнений и убеждений людей с помощью каких-либо символических образов (слов, лозунгов, медиа и т.д.). Все то же самое справедливо и в отношении “распространения информации” и “образования”, но с одной принципиальной разницей. “Пропаганда” — манипулятивная практика распространения информации, которая добивается своих целей фильтрацией информации, искажением либо фальсификацией фактов, чтобы достичь максимального эффекта влияния на эмоции и разум людей. И тут пропаганда делится на позитивную и негативную (например, пропаганда здорового образа жизни — и пропаганда этнической напряженности).

Что такое “гомосексуальность” — тоже несложно понять. Гомосексуальность — это не форма сексуальной практики в терминах бывшей 121-й статьи УК. Гомосексуальность, как и гетеросексуальность, — это совокупная способность человека испытывать эмоциональное, романтическое, эротическое и сексуальное влечение к представителям своего или, соответственно, противоположного пола. В этом смысле “гомосексуализм”, как и любой “-изм”, — это полный лингвистический и лексический атавизм (тоже “-изм”), потому что с позиции современной медицины и психиатрии любая сексуальная ориентация не является медицинским диагнозом. Но и каким-либо особым видом идеологии гомосексуальность также не является. То есть теоретически, конечно, может существовать какая-нибудь гей-евгеника, например, но достоверных примеров такой формы идеологии ни в прошлом, ни в настоящем неизвестно. Надо признать, что доминантами некоторых идеологий могут являться различные личностные характеристики человека, такие как пол (сексизм) или этническая принадлежность (национализм). Точнее, к идеологизации приводят не сами по себе качества человека, а слепая вера в превосходство этих качеств над другими. И в этом смысле, возвращаясь к сексуальной ориентации, на память не приходит ни одного человека или организации ни у нас, ни за рубежом, которые бы продвигали идею превосходства гомосексуальности над гетеросексуальностью. Наоборот, подобные вещи, как правило, происходят со стороны борцов с ЛГБТ-активистами. Но это уже предмет другой ста-

ты. Кстати, гей-активизм или ЛГБТ-активизм, не смотря на то, что это тоже “-измы”, какой-то формой идеологии или пропаганды не являются, потому что понятие “активизм” в современном языке понимается как определенная деятельность в поддержку дискриминируемой группы людей или общественных процессов (например, феминизм или экологический активизм).

Исходя из вышеописанного, можно попытаться понять словосочетание “пропаганда гомосексуализма”. С натяжкой это можно описать как “определенная манипуляция фактами и искаженными представлениями с целью продвижения идеи превосходства гомосексуальной ориентации над гетеросексуальной”. Ведь получается так? Это некий миф, или “фейк”, который придумали идеологи от “сильных мира сего”, — от светской и религиозной властей. Этакий совместный проект, тем более что в России РПЦ все сильнее внедряется в политику и общественные процессы.

Все в том же 2003 году, в декабре, законопроект, предусматривающий уголовную ответственность за пропаганду гомосексуализма, в Государственной Думе был отклонен. В марте 2004 года успешно прошли выборы. Народ дал Путину кредит доверия на второй срок. Уже в мае законопроект был внесен повторно в надежде на обновившийся после выборов состав Думы, но тоже безуспешно. Последняя попытка состоялась в мае 2006 года, как раз накануне первого майского гей-прайда в Москве. Именно 2005-2006 годы можно считать началом правозащитной деятельности в защиту ЛГБТ, которую иногда называют третьей волной активизма.

Примерно в то же время, в мае 2006 года, Дума Рязанской области принимает дополнения к местному закону об административных правонарушениях в виде статьи 3.13 “Публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних”. В отличие от федеральной инициативы с уголовной статьей за пропаганду, рязанская инициатива с административными штрафами за так называемую “пропаганду гомосексуализма” была принята думцами единогласно. Далее наступила эпоха затишья в публичных действиях по “борьбе за нравственность” и активный период в борьбе с политической оппозицией.

Наступает пора очередных выборов, в которых, как когда-то в 2004 году, среди прочих граждан будет участвовать Владимир Путин. Выборы 2008 года, на которых президентом РФ стал Дмитрий Медведев, прошли без нравственно-идеологической подготовки электората. Но сейчас ситуация другая. Доверие к Путину уже не то, что раньше. Но что может лучше сплотить народ в едином порыве, если не образ единого врага или беды, которая угрожает всему обществу, государству и его обороноспособности? Америка в роли врага уже почти вышла из моды, если не брать во внимание ряд идеологов-политиков, для которых электорат со следами советского менталитета все еще является

основным. Мировой терроризм все еще актуален, но уже не так действует на сознание обывателя. Борьбаться с реальными бедами и напастьями в виде дураков и дорог как-то дорого, да и чревато сложностями. По-настоящему вкладываться в социальную сферу и медицину — вообще работа почти непосильная и многолетняя, дающая результат в отдаленной перспективе. Но результат вложений нужен здесь и сейчас, ведь выборы уже не за горами.

Можно принять ряд популярных, точнее, популистских мер: накануне выборов кому-то пенсии поднять, кому-то зарплаты, и придумать несколько решений, которые не стоят ни копейки — этикие пустышки. Например, история с зимним-летним временем вообще не потребовала абсолютно никаких затрат. Люди довольны стабильностью хода времени, как и любой другой стабильностью, а дополнительное очко в копилку доверия “ЕдРо” обеспечено. И неважно, что на протяжении нескольких лет эти же идеи продвигались другими партиями. Президент сказал здесь и сейчас, а вертикаль партии реализовала. И много таких “забот” о народе уже было накануне выборов и еще будет.

И, наконец, идеологи “Единой России” совместно с религиозными деятелями окончательно оформили еще один такой социальный “ход конем”, троянским конем по всем канонам военного жанра. Решили сплотить людей в предвыборном порыве в страхе перед мифическими развратниками, отовсюду тянущими руки к самому ценному, что есть у людей, — к детям. Забота о нравственности несовершеннолетних — это хорошо и правильно, только почему-то акцент делается на публичных акциях ЛГБТ-активистов и информации о них в СМИ. По многим каналам ТВ и в других СМИ за последний год-два прокатилась волна “артподготовки” с историями о поимке

педофилов с обязательным упоминанием в одном информационном блоке и про “пропаганду”, и про сексменьшинства. Кстати, еще один новый терминологических монстр идеологов: с их легкой руки “сексуальные меньшинства” за несколько лет превратились в “сексменьшинства”, то есть из группы людей с вариантом сексуальной ориентации в меньшинство по “сексу”, чем полностью замещена исходная семантика англоязычного слова “sex”, которое означает “пол”. Впрочем, большая часть электората английского языка все равно не знает, не говоря уже о латыни.

Наступил 2011 год, обозначились позиции кандидатов в президенты, стало понятно, кто куда планирует идти и с кем договаривается. Предвыборная кампания идет полным ходом. Летом 2011 года Архангельское областное собрание депутатов по инициативе Александра Дятлова рассмотрело проект о внесении изменений и дополнений в закон “Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области”. Оказывается, федеральные законы в этой сфере не действуют, поэтому придумываются региональные, причем в каждом субъекте свой закон. Единственное изменение и дополнение — это статья 10 с формулировкой “Меры по недопущению публичных действий, направленных на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних”. Финансово-экономическое обоснование проекта закона особо подчеркивает, что “принятие проекта областного закона не повлечет дополнительных финансовых расходов”, что явно подкупало заседателей. Хорошее дело в защиту детей, да еще совершенно бесплатно! Председатель Комитета по образованию и высшей школе Игорь Чесноков, более сведущий в терминологии, предложил дополнить законопроект положениями, “запрещающими публичные действия, направленные на пропаганду бисексуализма и транссексуализма”. В сентябре 2011 года закон, принятый единогласно, вступил в силу. Инициаторы в лице депутата Александра Дятлова пообещали продолжить работу в других регионах.

11 ноября 2011 года проект похожего закона снова по инициативе “Единой России” в лице Вячеслава Макарова был внесен в Законодательное Собрание Санкт-Пе-

тербурга. Законопроект предполагает наложение штрафов за “публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних”. Аналогичные штрафы единокорсы предлагают установить и за “пропаганду педофилии”. Примечательно, что “гомосексуализм” петербургские депутаты ЗАКСа заменили на “мужеложство”, ностальгируя или подготавливая электорат к возвращению пресловутой 121-й статьи УК.

Петербург — более продвинутый в культурном, экономическом и образовательном плане регион России, чем многие другие. Здесь действуют несколько правозащитных ЛГБТ-организаций, неоднократно проводились публичные акции в защиту прав ЛГБТ, дважды (в 2010 и 2011 гг.) проходила манифестация гей-прайда. И в нашем городе законодатели уже не ограничились одной “пропагандой гомосексуализма”, а добавили полный набор из акронима ЛГБТ (лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры). Кстати, это первый закон в России, где встречается слово “трансгендерность”, даже в Архангельской области предлагалось в поправке добавить “транссексуализм”. Сказывается образованность петербургских законодателей. Следовательно, публичные акции в защиту прав ЛГБТ проводились с пользой...

Налицо манипуляция понятиями и подмена федеральных законов региональными, которые направлены на запрещение любой публичной правозащитной деятельности ЛГБТ-активистов и ЛГБТ-организаций. Получается, что по мнению региональных законодателей федеральные законы в защиту сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних неработоспособны, а вот защита от пресловутой “пропаганды гомосексуализма” даст какие-то плоды. Следует напомнить, что по результатам статистики более четверти преступлений, связанных с сексуальным насилием в отношении несовершеннолетних, совершается членами семьи или ближнего круга общения семьи. Подобные законы под маской заботы о нравственности несовершеннолетних в реальности направлены на ограничение свободы слова и свободы собраний для ЛГБТ.

Юрий Гавриков

AntiFA

Группа REFLEX ПАРИЖ
<http://scalp-reflex.over-blog.com/>

КОМИТЕТ ЯНВАРЯ

В Комитет 19 января входят люди разных профессий и политических взглядов: художники, учёные, журналисты, участники общественных инициатив, левые активисты, правозащитники, уличные антифашисты. Комитет не зависит от существующих политических сил и групп, это самостоятельная инициатива. Нас объединяет убеждение в неприемлемости фашизма и неонацизма, который легализуется в одной ипостаси и убивает в другой — сегодня, в России. Проблему неонацизма и правого терроризма не способны решить чиновники и милиция: своим безразличием или корыстью они способствовали ее созданию. Противодействовать неонацизму может только единая общественная сила, действующая в стороне от партийных интересов и разногласий.

Мы приглашаем всех участвовать в общем деле.

<http://19jan.ru>